

ФОРУМ: СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И COVID-19: PRO ET CONTRA

Андрей Станиславович Адельфинский

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
5 2-я Бауманская ул., Москва, Россия
adelfi@mail.ru

Юлия Валерьевна Бучатская

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
julia.butschatskaja@yahoo.de

Николай Борисович Вахтин

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
nvakhtin@gmail.com

Евгений Викторович Вдовченко

Южный федеральный университет
105/42 Б. Садовая ул., Ростов-на-Дону, Россия
evdovchenkov@sfned.ru

Мария Васильевна Вятчина

Университет Тарту
18 ул. Юликоли, Тарту, Эстония
maria.vyatchina@gmail.com

Виктория Донован

Университет Сент-Эндрюса
Юнайтед Колледжис, Сент-Эндрюс, Великобритания
vsd2@st-andrews.ac.uk

Абигайль Карас

Оксфордский университет
41 & 47 пл. Веллингтон, Оксфорд, Великобритания
abigail.karas@univ.ox.ac.uk

Катриона Келли

Тринити Колледж
Кембридж, Великобритания
ck616@cam.ac.uk

Анна Андреевна Лазарева

независимый исследователь
Москва, Россия
anna-kadabra@mail.ru

Ли Джи Ын

Азиатско-Тихоокеанский секретариат Организации городов мирового наследия
614 ул. Кёнгамро, Кёнджу, Республика Корея
jieunjohanna@naver.com

Дарья Александровна Литвина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
litvina.darya@gmail.com

Александра Михайловна Пиир

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
alexandra.piiir@gmail.com

Анна Адриановна Темкина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
temkina@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Два года научно-исследовательские учреждения и университеты живут в непривычных условиях пандемии и постоянно то возникающих, то прекращающихся ограничений. Для кого-то это беда, для кого-то благо. Участники «Форума» отвечают на вопросы о том, каким образом и в какой мере пандемия повлияла на их научную (рабочую) ситуацию, открыла ли вынужденная (само)изоляция новые формы работы, которые хотелось бы сохранить в будущем, и появились ли у социальных наук, прежде всего у культурной антропологии и социологии, новые задачи и новые интересные вопросы в связи с пандемией, связанными с нею ограничениями и попытками борьбы с ней.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социальные науки, гуманитарные науки, пандемия, коронавирус, COVID-19.

Д л я с с ы л о к : Форум: Социальные науки и COVID-19: pro et contra // Антропологический форум. 2022. № 52. С. 11–82.
doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-11-82

U R L : <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/forum.pdf>

А Н Т Р О П О Л О Г И Ч Е С К И Й Ф О Р У М , 2 0 2 2 , N O . 5 2

**FORUM: THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES AND COVID-19:
PROS AND CONS**

Andrey Adelfinskiy

The Bauman Moscow State Technical University
5 2nd Baumanskaya Str., Moscow, Russia
adelfi@mail.ru

Julia Butschatskaja

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
julia.butshatskaja@yahoo.de

Victoria Donovan

University of St Andrews
United Colleges, St Andrews, UK
vsd2@st-andrews.ac.uk

Abigail Karas

University of Oxford
41 & 47 Wellington Sq., Oxford, UK
abigail.karas@univ.ox.ac.uk

Catriona Kelly

Trinity College
Cambridge, UK
ck616@cam.ac.uk

Anna Lazareva

Independent researcher
Moscow, Russia
anna-kadabra@mail.ru

Lee Ji Eun

Organization World Heritage Cities Asia-Pacific Secretariat
614 Gyeongamro Str., Gyeongju, Gyeongbuk, Korea
jieunjohanna@naver.com

Darya Litvina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
litvina.darya@gmail.com

Alexandra Piir

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
alexandra.piiir@gmail.com

Anna Temkina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
temkina@eu.spb.ru

Nikolai Vakhtin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
nvakhtin@gmail.com

Evgeniy Vdovchenkov

Southern Federal University
105/42 B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russia
evvdovchenkov@sfsedu.ru

Maria Vyatchina

Tartu University
18 Ülikooli Str., Tartu, Estonia
maria.vyatchina@gmail.com

Abstract: For the past two years, research groups and universities have been exposed to the novel and unpredictable conditions of life during the viral pandemic, and to the constantly shifting restrictions on normal academic activities that have accompanied it. In particular, personal contacts—between teachers and students and between colleagues—have to a large extent been difficult or impossible. For some, the social restrictions have been a disaster, while others have found them to be an insignificant nuisance, or even welcome. Participants of the “Forum” discuss, how the pandemic has affected their own (work) situation and the situation at their home institution, whether the enforced (self-)isolation has created any new types of working practices or social relations that are desirable to persist in the future, and whether the humanities and social sciences have evolved any new research questions and topics that directly derive from the pandemic, the social restrictions associated with it, and efforts to fight its effects.

Keywords: Humanities, Social Sciences, pandemic, Covid-19.

To cite: ‘Forum: Sotsialnye nauki i COVID-19: pro et contra’ [Forum: The Humanities and Social Sciences and Covid-19: Pros and Cons], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 52, pp. 11–82.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-52-11-82

URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/052/forum.pdf>

В форуме «Социальные науки и COVID-19: pro et contra» приняли участие:

Андрей Станиславович Адельфинский (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия)

Юлия Валерьевна Бучатская (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Николай Борисович Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Евгений Викторович Вдовченко (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия)

Мария Васильевна Вятчина (Университет Тарту, Тарту, Эстония)

Виктория Донован (Victoria Donovan) (Университет Сент-Эндрюса, Сент-Эндрюс, Великобритания)

Абигайль Карас (Abigail Karas) (Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания)

Катриона Келли (Catriona Kelly) (Тринити Колледж, Кембридж, Великобритания)

Анна Андреевна Лазарева (независимый исследователь, Москва, Россия)

Ли Жи Ын (Lee Ji Eun) (Азиатско-Тихоокеанский секретариат Организации городов мирового наследия, Кёнджу, Республика Корея)

Дарья Александровна Литвина (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Александра Михайловна Пиир (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Анна Адриановна Темкина (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия)

Форум

Социальные науки и COVID-19: pro et contra

Два года научно-исследовательские учреждения и университеты живут в непривычных условиях пандемии и постоянно то возникающих, то прекращающихся ограничений. Для кого-то это беда, для кого-то благо. Участники «Форума» отвечают на вопросы о том, каким образом и в какой мере пандемия повлияла на их научную (рабочую) ситуацию, открыла ли вынужденная (само)изоляция новые формы работы, которые хотелось бы сохранить в будущем, и появились ли у социальных наук, прежде всего у культурной антропологии и социологии, новые задачи и новые интересные вопросы в связи с пандемией, связанными с нею ограничениями и попытками борьбы с ней.

Ключевые слова: социальные науки, гуманитарные науки, пандемия, коронавирус, COVID-19.

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Все реплики в этот «Форум» и заключение к нему были написаны и присланы в редакцию до середины февраля сего года. Мы убеждены, что если бы авторы отвечали на вопросы редколлегии «АФ» сегодня, многие акценты и интонации были бы иными: на фоне происходящих трагических событий размышления о пандемии утрачивают прежнюю остроту и стремительно уходят в прошлое. Единственное, что несомненно сохраняет и даже усиливает свое значение, — это название заключения к этому Форуму: «Мир больше не будет прежним». Тем не менее нам кажется важным сохранить свидетельство того, какими мы были до 24 февраля 2022 г.

Два года научно-исследовательские учреждения и университеты живут в непривычных условиях пандемии и постоянно то возникающих, то прекращающихся ограничений. Эти ограничения прежде всего касаются личных контактов: между преподавателями и студентами, между коллегами и сотрудниками. Приходилось слышать разные, часто полярные оценки ситуации: для кого-то это беда, для кого-то благо. Ситуация хорошо знакома и близка всем ученым, преподавателям, аспирантам и студентам. В связи с этим редакция «АФ» поставила на обсуждение следующие вопросы:

- 1** *Каким образом и в какой мере пандемия повлияла на лично вашу научную (рабочую) ситуацию, на ситуацию в вашем научном учреждении или университете? Каково воздействие пандемии на коллективную научную работу, в которой вы участвуете?*
- 2** *Влияние пандемии на здоровье и работоспособность ученых и профессоров, аспирантов и студентов очевидно. Однако если отвлечься от медицинской стороны дела, оценки воздействия пандемии могут быть разными. По вашему ощущению, есть ли в вынужденной работе в удаленном режиме что-то положительное? Облегчилось или осложнилось проведение конференций? Сократилось или увеличилось число совместных исследовательских проектов? Легче или труднее преподавать (и учиться) онлайн?*
- 3** *Открыла ли нам вынужденная (само)изоляция какие-то новые формы работы, новые формы общения, которые хотелось бы сохранить в будущем, или вы считаете, что ничего хорошего этот период не принес и что оптимально было бы вернуться к прежнему («доковидному») состоянию?*
- 4** *Появились ли у социальных наук, прежде всего у культурной антропологии и социологии, новые задачи и новые интересные вопросы в связи с пандемией, связанными с ней ограничениями и попытками борьбы с ней?*

АНДРЕЙ АДЕЛЬФИНСКИЙ

1

«В России нашу тему считают маргинальной, в грантах отказывают, статьи не принимают. Вот и приходится ждать, пока не появятся О’Махоуни или Дюфресс, дабы их перевести и наблюдать затем восторженное обсуждение!» — сетовал как-то коллега. Всё так... Впрочем, *денег нет, но мы держимся*. В итоге скромный шанс «забить Мике баки» представился и нам. 29–30 апреля 2020 г. Нантский университет планировал международный симпозиум по социальной истории спорта «Дети и советская физкультура». Доклады полагали представить те самые Майк О’Махоуни [O’Mahony 2006], Сильвен Дюфресс [Dufraisse 2019], а также Сесиль Пишон-Бонен, Катя Дженнет, Меган Свифт, Бриджит Бек Пристед, Марина Александрова и, кроме того, В.В. Котов, Е.А. Кулиничева, С.Г. и К.А. Маслинские и автор этой реплики. Более значимо то, что французские коллеги предложили госпоже Кулиничевой и мне провести в Нанте отдельные семинары по нашим монографическим исследованиям [Адельфинский 2018; Кулиничева 2018]. Еще в феврале мы бронировали билеты, планировали поездку, старательно доделывали материалы для докладов... Локдаун, увы, отправил в небытие наш маленький триумф. В марте симпозиум перенесли на ноябрь, а в сентябре с прискорбием отменили.

Андрей Станиславович Адельфинский
Московский государственный
технический университет
им. Н.Э. Баумана,
Москва, Россия
adelfi@mail.ru

Впрочем, «*дети и физкультура*» выжили — но это оказалось простым процессом. Главным продуктом симпозиума мыслится специальный номер “*Cahiers du Monde Russe*”. Дедлайн по рукописям многократно сдвигали: с апреля на октябрь 2020 г., затем на июнь, сентябрь и даже ноябрь 2021 г. Из-за перманентных ограничений исследователи банально не могли добрать материалы. Некто написал пост в 2 часа 00 минут 1 января 2021 г.: «— Братцы! Кажется, есть свободные места в ГАРФ! Торопитесь!» Свободных мест не осталось уже в 2 часа 10 минут. Ситуация с этим архивом улучшилась, лишь когда электронную очередь заменили на живую, к лету 2021 г. Гораздо проще было с доступом в РГАСПИ (похоже, история ВКП(б) не в тренде). Но вот читальный зал ЦОБ по ФКиС не работал аж до середины октября 2021 г. — там затеяли ремонт, воспользовавшись локдауном. Возможно, администрация решила, что библиотеки не нужны современным *детям физкультуры*? Так или иначе, авторам удалось дописать свои статьи, и вроде бы этот специальный номер собрали — но с лагом почти в два года. И возможно, еще через пару лет эти тексты будут опубликованы.

Выше говорилось про библиотеки и архивы, а как быть, если ваша работа связана со сбором полевого материала и включенным наблюдением? И это лишь один случай, были другие. Ряд секций Грушинской конференции 2020 г. из очных событий с живой дискуссией и заполненными залами (как это было в 2019 г.) превратились в обыденные групповые видеозвонки. Обсуждение *здорового образа жизни* преобразилось в обсуждение *реакции социума на пандемию*. И главное — ни привычной обратной связи, ни общения в кулуарах, ни новых знакомств. Поддерживает ли это, воодушевляет ли к исследовательской работе?

2

Есть ли положительные моменты? Конечно. Например, расширилась палитра курьезных случаев. Модераторы встречи могли перепутать настройки, оставив половину участников за виртуальными дверьми. Или сам участник мог спутать часовой пояс, найдя в итоге аудиторию пустой. С формальной точки зрения посещать события стало проще, но, по правде говоря, эта возможность была и ранее. Та же «Груша» начала выкладывать видеозаписи всех секций еще до эпохи COVID-19. А разве не прекрасен этот вкус побочных эффектов добровольно-обязательной вакцинации профессорско-преподавательского состава — волнующий, согревающий, лихорадящий?

Преподавание — это отдельная песня. Встал на час позже, повязал галстук поверх пижамы — и вперед, *сеять разумное, доброе, вечное*. Студентам стало еще проще — *подбирать семена знаний* теперь можно, не вылезая из кровати и даже не надевая

беля. Но оказалось, эти достоинства имеют обратную сторону. Преподавателю для подготовки онлайн-урока требуется гораздо больше времени, а вести оные гораздо тяжелее. При этом качество усвоения материала слушателями, похоже, сильно снижается. В отдельных вузах введены моратории на отчисление, а экс-студенты других уже бегают по докторам во избежание воинского призыва. Всё как в старину.

Что еще хорошего? Удалось хотя бы отчасти ответить О’Махоуни, написав статью о соотношении социального порядка в советском спорте и его отображения в искусстве [Adelfinsky 2020]. Систематический обзор, 80 кинокартин! Впрочем, материал собирался 10 лет, и локдаун был не при чем — спасибо «Социологическому обозрению» за интересный call for papers.

3

Открыла ли изоляция новые формы работы? Наверное, нет. Все эти формы уже существовали ранее. К примеру, Скотт Адамс описывал технологии ведения деловых встреч по видео (и в домашнем халате) четверть века назад [Adams 1996]. Локдаун лишь подстегнул к активному использованию *новых форм*, в итоге высветив их достоинства и недостатки. *Дистанционная* форма образования на проверку оказалась подклассом давно известной *заочной*. А для научных исследований, этого сложного, иногда весьма одинокого вида деятельности, действительно оказалась важна регулярная групповая терапия в виде очных семинаров, конференций и симпозиумов.

Ну и, конечно же, доступ к полю. Еще до локдауна один респондент из Европы пригласил меня в гости — лично ознакомиться с его частным архивом по изучаемой теме. Внезапно он перестал выходить на связь, и я с ужасом подумал — неужели? Но вскоре он объявился: “— Don’t worry, I just was on vacation. Lockdown will grow old and tired before my funeral takes place”. Что же, так и будет! Надеюсь, ограничения вскоре устанут сами от себя, а мы вернемся к обсуждению Греты Тунберг и ее глобальной повестки.

Библиография

- Адельфинский А.С. Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта. М.: Дело РАНХиГС, 2018. 384 с.
- Кулиничева Е.А. Кроссовки. Культурная биография спортивной обуви. М.: НЛО, 2018. 376 с.
- Adams S. The Dilbert Principle: A Cubicle’s-Eye View of Bosses, Meetings, Management Fads and Other Workplace Afflictions. N.Y.: Harper-Collins, 1996. 336 p.
- Adelfinsky A.S. Creating a Hero... Laughing at Clowns? Representations of Sports and Fitness in Soviet Fiction Films after the Olympic U-Turn in

Politics // Russian Sociological Review. 2020. Vol. 19. No. 4. P. 108–136.
doi: 10.17323/1728-192x-2020-4-108-136.

Dufraisse S. Les héros du sport: une histoire des champions soviétiques (années 1930–années 1980). Ceyzérieu: Champ Vallon, 2019. 328 p.

O'Mahony M. Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture. L.: Reaktion books, 2006. 236 p.

ЮЛИЯ БУЧАТСКАЯ

1	На мою рабочую ситуацию внутри научного учреждения пандемия повлияла в самом начале, весной-летом 2020 г., когда все вынужденно оказались изолированы друг от друга, а технические возможности и умения не позволяли замещать реальное общение в коллективе. Помню, что тогда это совпало с дистанционным обучением у детей в школе, для чего тоже не было ни технических возможностей, ни опыта работы в таком формате у школы, еще были какие-то другие периодические занятия в Zoom, все мы делили один ноутбук, и было весьма нервное время. В то же время эта первая фаза самоизоляции была и очень положительным опытом. В апреле 2020 г. я с детьми вернулась из отпуска в Финляндии через уже закрытую границу и, не доехав до Петербурга, осталась в деревне. Дальше я могу рассуждать о рабочей ситуации в пандемию не просто как работник научного учреждения, а как работник и мама с тремя детьми. Здесь встает довольно широко обсуждаемый вопрос о том, как по-разному сказались время самоизоляции на продуктивности работы у ученых, свободных от детей и семьи, и у тех, у кого, помимо длительного нахождения в четырех стенах, в этих же стенах оказались запертыми супруг и постоянно требующие движения и внимания дети, каким непростым испытанием явилось такое вынужденное пребывание в замкнутом пространстве и коллективе. То, что мы оказались не в своей тесной городской квартире, а в большом доме с достаточным количеством земли вокруг, во-первых, избавило от эмоциональной напряженности в семье,
2	
3	

Юлия Валерьевна Бучатская

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
julia.butschatskaja@yahoo.com

во-вторых, я это воспринимала как легальную возможность не ехать в город, не ходить в школу, не ездить на работу. Удаленный режим работы позволил сэкономить очень много времени, которое я обычно тратила бы на дорогу, сборы и бесконечные чаепития в отделе, и как раз такое размеренное пребывание в изоляции продуктивно сказалось на работе. То первое время профессиональной деятельности в новых условиях на расстоянии от непосредственного места работы воспринималось мною и тогда, и сейчас как благо и необходимая передышка для буквального приведения в порядок всего недописанного, неструктурированного, недоархивированного и пр. Я смогла наконец заняться расшифровкой интервью, привела в порядок полевые материалы, обработала их, было достаточно времени для написания статей, а отсутствие города и родной институции не тяготило вообще. МАЭ РАН довольно рано вернулся к очной работе, уже с 15 июня можно и нужно было показываться на рабочем месте, правда в довольно нелепом формате: просто быть на рабочем месте и желательно не пересекаясь с другими коллегами из отдела. Таким образом, исключались все коллективные взаимодействия или возможности обсуждения проектов в привычном и продуктивном формате. Самым негативным следствием ограничений, связанных с пандемией, для моей профессиональной деятельности оказывается ограничение свободы пересечения границ, невозможность в любой удобный момент оказаться в Германии, где я в течение многих лет провожу полевые исследования.

Для меня рефлексия над ситуацией пандемии неразрывно связана не только с изменившимися режимами работы, но и с неизбежным совмещением ролей работника и многодетной матери. Вопрос баланса этих ролей стоял и до пандемии, и, конечно, его приходится решать по-новому при наступивших изменениях. Современная публичная риторика транслирует определенный идеал, предполагающий двойной вызов, предъявляемый к современным родителям: чтобы соответствовать образу идеальной успешной женщины, нужно быть одновременно успешным работником, не ограниченным во времени и приверженным своему делу, и интенсивной матерью, осуществляющей всю физическую и эмоциональную заботу о детях (см.: [Роткирх, Темкина 2002; Поливанова 2015: 7; Исупова 2015]). Сознательно или неосознанно я постоянно корректирую свои действия в соответствии с этим идеалом успешной женщины / интенсивной матери, что и без специфических условий самоизоляции или удаленной работы из дома привносит дополнительные сложности в осуществление профессиональной деятельности, тем более при разных ограничениях, связанных с пандемией. Жизнь на даче позволяла довольно успешно совмещать эти две

сферы. Пожалуй, это был единственный существенный плюс в удаленной работе за время пандемии.

Удаленные режимы общения вроде конференций или семинаров на платформе Zoom лично мне не видятся продуктивным способом научной коммуникации и не могут адекватно заменить привычные очные форматы. И да, оптимальным мне видится возврат к прежним формам человеческого взаимодействия без посредничества техники. Причин несколько, возможно, все они могут быть в принципе нивелированы определенной натренированностью и опытом. И снижение технических неполадок, сбоев и возросшее мастерство пользования сервисами для видеоконференций демонстрируют постепенную нормализацию этой практики.

Коммуникация в удаленном режиме, в Zoom или на других платформах, обнаружила несколько неожиданных для меня эффектов, над которыми хочется поразмышлять. Во-первых, удаленный режим работы как будто еще больше посягал на границу между приватным и профессиональным, которая в научной деятельности и так размыта. Во время видеоконференции я, как и каждый другой участник, нахожусь в своем домашнем пространстве, невольно открывая вместе со своим изображением и фрагмент комнаты, кухни или другого пространства, которое не рассчитано на присутствие посторонних людей, не очень близких коллег. Меня это некоторым образом смущает, заставляет искать такие ракурсы, где меньше всего видно приватное, и в конечном итоге так занимает, что отвлекает от основной темы, не говоря уже о том, что во время говорения или слушания я вижу перед собой не только спикера или аудиторию, но и свое лицо и себя и начинаю оценивать, как я в данный момент выгляжу, в каком ракурсе я буду лучше выглядеть — и нить разговора упущена... Не только чужие люди вторгаются в мое приватное пространство, но и мне приходится, не желая того, оказаться сразу в нескольких чужих домах, созерцая трубы отопления, кухонные шкафчики, внезапно появляющихся в кадре кошек и пр.

Точно так же сбивают с мысли и отвлекают внимание вторгающиеся в коммуникацию дети. Вроде бы коллеги воспринимают подобные помехи очень благосклонно, как я успела заметить из собственного опыта и как показывали и мои многолетние наблюдения за собственным полем в сопровождении семьи и детей. Присутствие детей в поле превращает ученого в «нормального» человека и устраняет диспропорцию ситуации антропологического исследования, когда исследователь фигурирует как изолированный от своего социального контекста актер, тогда как изучает он «других» как социальные сущности, чьи

идентичности и практики определяются социальными отношениями (см.: [Zeitlyn 2005: 105; Korpela, Hirwi, Tawah 2016: 3]). Присутствие детей на научных мероприятиях нельзя назвать рядовым явлением, но оно также встречается и обычно не только не вызывает проблем у присутствующих, но и даже позитивно действует на обстановку, информализуя ее. Здесь дело, скорее всего, в приемлемости для меня совершенно определенной профессиональной идентичности и имиджа, которому не соответствует вмешательство всего того, что не относится к профессиональной сфере. Изолируясь, с одной стороны, от личного контакта, мы, с другой стороны, фрагментарно делаем свое приватное публичным.

Этаблированная научная коммуникация — конференции и семинары. Их смысл и значимость не исчерпываются только научной составляющей докладов, но это повод выехать из привычной повседневности и интенсивно отдаться процессу научной коммуникации. Дискуссии в сообществе, включая неформальную обстановку, наиболее продуктивны для генерации нового знания и идей. Особенно значимы такие выходы из повседневности для обремененных семьей и детьми, когда отъезд — это единственная возможность полноценного и интенсивного обмена идеями. Будучи интенсивной и многодетной матерью, я понимаю, что значительно больше времени уделяю приватному, чем профессиональному — нахожусь дома, занимаюсь делами детей, я есть для них почти всегда. В какой-то момент это тормозит творческий процесс «делания науки», потому что оба процесса требуют полного погружения и отдачи: невозможно писать, размышлять и дискутировать урывками. Именно поэтому в моем случае разделение профессионального и приватно-семейного времени и пространства критически важно. Для продуктивной профессиональной деятельности нельзя находиться внутри быта и детских желаний, к чему неизбежно приводит удаленный режим работы в формате видеоконференций, потому что местом «выхода в зум», как правило, оказывается дом. Границы приватного и профессионального снова перекраиваются: являясь продолжением проведенного дня дома, научное мероприятие, если оно не предполагает моего собственного выступления, неоднократно просто забывалось и выпадало из ежедневного и без того насыщенного расписания дел или же проходило параллельно с приготовлением салата, блинов и прочего и, естественно, выбрасывало с волны обсуждаемого обратно в быт.

В то же время такой вездесущий формат значительно расширяет круг участников, делая возможным присутствие коллег, живущих и находящихся в других странах, городах и отделенных от нас большими дистанциями и границами, и, как любая

интернет-коммуникация, помогает решать проблему со-присутствия буквально в разных местах и интеллектуальных пространствах, что было бы затруднительно при физическом перемещении с одного мероприятия на другое.

Ковидное время породило массу просветительских и популяризаторских онлайн-проектов в музеях, в том числе в МАЭ, что хорошо, потому что открыто, доступно из любой точки пространства и времени. Я и сама с интересом заглядывала в лекции и виртуальные выставки, созданные во время пандемии РЭМ, Эрмитажем, Выборгским объединенным музеем-заповедником. Такой формат представления информации можно считать не только попыткой заменить или заместить реальное присутствие посетителя на экспозиции, он имеет и другой продуктивный эффект — позволяет сделать науку и наши темы интересными не только нам самим, но и не связанным со специфической исследовательской деятельностью и областью людям. Вынужденное закрытие музея для посетителей заставило искать новые форматы показа своих коллекций, а с ними и презентации деятельности сотрудников, сделав их также частью экспозиции Кунсткамеры, что для большинства потребителей наших экспозиций совсем не было очевидно.

4

Уже с начала пандемии появились не только новые вопросы, но и попытки рефлексии над новой ситуацией, ее отражением в языке, новыми практиками бытовой коммуникации и мобильности, изменившимися условиями преподавательской и учебной деятельности, преломлением в общественном сознании и прогнозах. В последнее время к этим темам добавилось отношение к вакцинации, тотальное недоверие государству в вопросах собственной безопасности и здоровья, медицине как бюрократической организации. Упомяну здесь исследование Анны Темкиной и Дарьи Литвиной об эмоциональной стороне удаленной работы социологов и переживании ими нового социального порядка применительно к своей профессиональной субъектности, которая очень откликается мне [Litvina, Temkina 2021]. Или потрясающий экспериментальный, буквально телесно прожитый перформативный проект “The Arrival” Риты Кулевой и целой команды молодых креативных людей о новом опыте мобильности, путешествия и пересечения границ в деглобализирующемся пандемическом мире, который оказывается все более пронизанным бюрократическими препонами, ограничениями, новым неравенством¹.

¹ The Arrival. A series of performative lectures by Dr. M. Kuleva. <<https://m.youtube.com/watch?v=qHf70Y319dM&feature=youtu.be>>.

Любые социальные изменения вызывают исследовательский интерес в социальных науках, тем более такие глобальные изменения, которые уже в первые месяцы пандемии породили фразу «мир больше не будет прежним». Вот некоторые вопросы, которые мне кажутся достойными осмысления социальными науками: соотношение новых правил, бюрократических предписаний и границ тела, неприкосновенности приватного. Насколько различаются национальные и культурные контексты обращения с правилами и правом на анонимность и конфиденциальность медицинской информации, нарушениями этих правил? Как перекраиваются сферы приватного и публичного, если мои биологические данные должны быть предъявлены, становятся достоянием баз данных? Как реагируют люди на нарушение свобод? Жизнь в пандемии неоднородна и в разные периоды дополняется новыми сюжетами, реалиями и дискуссиями, скажем спорами относительно обязательности введения ПЦР-тестов или QR-кодов как критерия допуска в общественные пространства и к мероприятиям. Новое состояние, когда биологические данные являются условиями предоставления доступа к услугам, правам и свободам (пусть это будет преувеличением), неприятно напоминает искаженные политикой последствия внедрения расового учения в Европе 1930–1940-х гг., но также напоминает метафору «доказывания своей невиновности» у М. Оже, когда он говорит о превращении пространства в «не-место» через проверку идентичности: в не-место могут попасть только невиновные [Оже 1992: 45]. Получается, что с распространением и расширением сфер, где нужно ежедневно доказывать свою «невиновность», предъявляя коды и результаты анализов, все больше привычных, любимых и наделенных смыслами пространств городов обретают черты не-мест, а право пользования ими определяется некоторыми внешними по отношению к ним инстанциями. Тоже интересный вопрос для антропологического исследования...

Библиография

- Исупова О. Интенсивное материнство в России // Постнаука. 2015, 20 янв. <<https://postnauka.ru/video/38481>>.
- Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛЮ, 1992. 132 с.
- Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301.
- Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Здравомыслие Е., Темкина А. (ред.). Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169–200.

- Korpela M., Hirvi L., Tawah S.* Not Alone: Doing Fieldwork in the Company of Family Members // Suomen Antropologi. 2016. Vol. 41. No. 3. P. 3–20.
- Litvina D., Temkina A.* The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of the Privileged Group at the Start of Pandemic // The Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 43–65. doi: 10.17323/1728-192x-2021-4-43-65.
- Zeitlyn D.* Words and Processes in Mambila Kinship. The Theoretical Importance of the Complexity of Everyday Life. Oxford: Lexington Books, 2005. 256 p.

ЕВГЕНИЙ ВДОВЧЕНКОВ

Ситуация в гуманитарных науках и COVID-19 в университетском пространстве

1

Самое значительное влияние пандемии не в изменении образа жизни и условий работы, которое, безусловно, имеет место. Для меня это ощущение слабости человеческой жизни, связанное с тем, что именно этим летом и особенно осенью ушли из жизни коллеги, в том числе относительно молодые. В результате думаешь о значимости и результатах своей работы и задаешь себе вопросы, на которых обычно не останавливаешься. После этого останавливаешься на качестве проектов, в которые вовлечен, а также на том, что нужно использовать любые возможности для общения с коллегами.

Что касается влияния пандемии на Южный федеральный университет, в котором я работаю, то хочу отметить, что переход на новые дистанционные рельсы в начале апреля 2020 г. прошел очень быстро — в течение всего одного дня, когда университет перешел на Microsoft Teams, и опыт работы с дистанционными технологиями стоит признать вполне успешным. Хотя, конечно, с присутствующими дистанционному обучению нюансами. Некоторые региональные вузы создавали только видимость дистанционного обучения.

Самая значительная проблема была связана с реализацией археологической практики. Летом 2020 г. мы вынуждены были проводить археологическую практику без выезда

Евгений Викторович Вдовченко

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
evvdovchenkov@sfnedu.ru

и даже без работы в учебном музее «Археология» и его фондах — учебные корпуса были закрыты. Поэтому она прошла, как это ни прискорбно, в дистанционном формате через реализацию серии заданий, связанных с обработкой и осмыслением археологических материалов, отчетов и т.п. В МГУ археологическую практику перенесли на следующий 2021 год. Так поступить с учебным планом у нас оказалось невозможно.

Впрочем, мы смогли на протяжении 2020 и 2021 гг. реализовать этнографическую практику у магистров, обучающихся по направлению 46.04.01 «История» [Богаченко, Вдовченков, Громов 2020]. Институт истории и международных отношений ЮФУ совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН с апреля 2020 г. начал реализацию совместного студенческого этнографического проекта, связанного с исследованиями реакции социальных сетей и интернет-сообществ на пандемию коронавируса. Такие постановка задач и форма исследования позволили, с одной стороны, приспособиться к новым вызовам и придерживаться дистанционного обучения, а с другой — исследовать новое социальное явление и его отражение в цифровой среде.

Несмотря на то что весной 2020 г. антропологические и социологические исследования пандемии COVID-19 только начинались, в ходе практики студентам предоставлялась необходимая методическая основа для решения задач и достижения поставленных целей. Руководители практики предложили на выбор несколько общих направлений изучения интернет-контента, связанного с пандемией, а магистранты уже сами определяли, что именно и как они будут исследовать.

Первое направление — «Исследование визуального и аудиовизуального интернет-фольклора, посвященного теме пандемии COVID-19», второе — «Исследование слухов и конспирологических теорий, связанных с пандемией COVID-19», третье — «Исследование “субкультурного” осмысления пандемии COVID-19», а четвертое — «Прогнозы. Посткоронавирусный мир и его облик. Футурологические высказывания». В целом, на наш взгляд, новый опыт проведения этнографической практики в ИИМО ЮФУ оказался во многом удачным и перспективным. Обращение к актуальным вопросам жизни общества на основе изучения контента различных интернет-площадок вызвало интерес студентов, результатом чего стало написание ими ряда исследовательских статей.

Очевидно негативное влияние пандемии на работу — через заболевания и проблемы со здоровьем. Впрочем, меня они долго не касались (видимо, до января 2022 г.). Мне удалось избежать заболевания, потому что я участвовал в сентябре-

октябре 2020 г. в археологических экспедициях в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии и находился далеко от очагов распространения вируса. Если университетские и академические экспедиции были приостановлены, то хозяйственные продолжили после краткого перерыва свою деятельность.

2

Безусловно, пандемия позитивно сказалась на учебной и научной работе, поскольку заставила всех развивать технические условия работы. Развитие дистанционных и гибридных форм работы при всех своих недостатках все же дает возможность регулярного участия в научных и образовательных мероприятиях.

В качестве примера могу привести семинар по подготовке перевода Страбона и научного комментария, который проводится под руководством А.В. Подосинова. Если раньше для меня участие в этом еженедельном семинаре на базе РГГУ было возможно только во время нечастых приездов в Москву, то последние два года семинар успешно и регулярно проводится на базе Zoom. Проще стало проводить занятия групп по повышению квалификации.

Что же касается преподавания, то у дистанционного обучения есть и плюсы, и минусы. Из положительных моментов следует указать на то, что занятия теперь проводить легче — не надо никуда ехать. Гораздо проще стало показывать иллюстрации и организовывать техническое сопровождение занятия.

Но минусов тоже немало. Отсутствие живого контакта сказывается на качестве преподавания. Слабая обратная связь, нет живого общения, трудно организовать обсуждение поиска решения задачи. Психологически тяжелее проводить все занятия через экран, больше усталость и меньше отдача от студентов. Ее скорее просто нет, когда сидишь за компьютером и пытаешься понять в конце лекции, есть ли хоть кто-нибудь на том конце Сети.

Не всегда учитываются и перегрузки от постоянной работы с компьютером и просмотра в экран. От обилия сетей и баз в глазах рябит. Facebook, VKontakte, Moodle, Google Class, Zoom, Skype, Microsoft Teams, сервисы Google и Yandex, мессенджеры Viber и WhatsApp и т.д. и т.п. Для гуманитария это тяжелое испытание.

Далее, если лекции читаются очень просто, с семинарами технически проблем больше, но еще больше их с экзаменами. Конечно, разрабатываются протоколы и инструкции по их проведению, накоплен большой и важный опыт, тем не менее сложности остаются, меняется порядок и ритм экзамена.

Но самый, пожалуй, печальный момент в сфере образования заключается в том, что студенты отучаются от живого общения и интенсивной работы, плотность которой в дистанте все же меньше. В качестве примера могу привести 3-й курс бакалавриата (на 2021–2022 учебный год) в ИИМО ЮФУ. Студенты чуть ли не взбунтовались, когда после полутора лет онлайн-обучения им пришлось заходить в учебные аудитории. И вообще опыт показывает, что мотивация у студентов — самое слабое место в дистанте. Качество проведения занятий и контроля остается, несмотря на все усилия, под вопросом — слишком много соблазнов. В этом плане дистант гораздо продуктивнее у ученых и преподавателей.

3

Я думаю, что в будущем, безусловно, будут использованы наработки эпохи пандемии. Гибридный формат конференций станет нормой. Однако останутся и негибридные конференции, которые будут специально делать упор на общении в реальном формате, конечно, более продуктивном, хотя и более затратном в плане расходов и времени. В такой конференции «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья», прошедшей на базе музея-заповедника «Куликово поле», мне уже посчастливилось участвовать в ноябре 2021 г. В дальнейшем это будет частью продуманной политики проведения конференций — онлайн, реальные или гибридные.

Так же ситуация обстоит и с образованием, и с коллективными формами работы. Онлайн-общение и обучение уже вошли в нашу жизнь и работу и делают их более эффективными. Уже уходят, слава богу, иллюзии о полной замене реального обучения электронным, но смешанные формы, использование онлайн-лекций, тестирования и других форм работы уже доказали свою практичность.

4

Пандемия обогатила антропологию, социологию и другие социогуманитарные дисциплины новыми проблемами, так же как и актуализировала ряд старых. Ситуация моральной паники и рост фобий, впрочем небеспочвенных, дали хорошую почву для исследований. Реакция общества на ковид, разделение общества по вопросу отношения к разным аспектам пандемии COVID-19 фиксируются данными социологических опросов, проводимых в разных странах, например членение общества на группы «корона-паникеры», «корона-лоялисты», «корона-скептики», «корона-диссиденты».

Пандемия показала, что фобии распространяются в обществе очень быстро. Исчезновение с прилавков некоторых категорий товаров очень симптоматично, особенно показательна истерия вокруг лимонов и имбиря, цены на которые резко выросли.

Если скачок спроса на маски и дезинфицирующие средства вполне объясним, то имбирь не является панацеей от инфекционных заболеваний. Эта ситуация напоминает уже порядком забытый ажиотаж вокруг соли и резкий рост цен на нее в 2006 г. [Домчева, Чичкин 2006].

Пандемия дала богатую почву для расцвета разного рода конспиративных теорий. На лекции в мае 2021 г. я приводил случаи вандализма в отношении станций сотовой связи: их сжигали в Северной Осетии и Ингушетии в рамках борьбы с 5G-интернетом. Распространяется идея, что различные волны и фотоны в сети 5G действуют на вирус, особенно когда человек покупает себе телефон или проводит связь. К сожалению, я недооценивал эти тенденции в нашем обществе. В августе 2021 г. в г. Азове была совершена акция против установки вышки сотовой связи, когда раскоп с археологами, проходящий в рамках подготовительных к строительству работ, стал закапываться вместе с находившимися там археологами группой граждан, возглавляемых депутатом от КПРФ [Романова 2021]. И хотя этот случай не связан с ковидом, он показывает ярко ситуацию в нашем обществе.

Впрочем, далеко за фобиями идти не надо, они хорошо знакомы тем, кто работает в образовательной среде. Это, например, страхи, связанные с дистанционным образованием. Фобии среди преподавателей заключаются в том, что государству невыгодно и не нужно содержать школы и университеты. Правительство искало способ всё компьютеризировать — оно его нашло. Поэтому больше ученики не вернутся в свои учебные заведения, они навсегда останутся на дистанционном обучении. В будущем будут работать лишь несколько школ и вузов в городе. Это будут школы для особо одаренных детей и детей богатых родителей. Для остальных ребят очное образование — непозволительная роскошь. Таким образом, перевод образования только в дистанционный формат приведет к сокращению преподавателей и ликвидации учебных заведений.

Актуально такое направление, как анализ отношений органов власти и общества, потому что эффективность действий властей может быть поставлена под сомнение: невнятные правовые основания для действий органов исполнительной власти в рамках борьбы с пандемией, непоследовательные действия, тяжелая ситуация с малым и средним бизнесом. Одно из ярких проявлений кризиса доверия в обществе — очень затянутая кампания по вакцинации и процент вакцинированных, уступающий другим странам. В политической сфере страхов еще больше, чем в других областях, и связаны они с возрастающей ролью государства, которое получает во время пандемии более сильный

контроль над гражданами. Следует отметить такие противоречивые особенности российского общества, как этатизм и политический конформизм, и вместе с этим недоверие властям и критику их действий.

Еще одно направление исследований — это характер прогнозов о посткоронавирусном мире, его облике, анализ разного рода футурологических высказываний, политические, технические и культурные прогнозы.

В целом ситуация с пандемией снова показала недоверие как российского общества, так и властей к экспертному сообществу. Неверие российского общества по отношению к узким специалистам и популярность всякого рода шарлатанов — опасный симптом нашего общества, в котором наука шаг за шагом отесняется на задний план. Но мы видим, что власти тоже не очень склонны усиливать влияние специалистов — что показывает откровенно слабая информационная кампания, к которой специалисты практически не привлекались. И на этот вызов — потребность в научно-популярном знании — ученым нужно отвечать здесь и сейчас, в том числе и антропологам.

Библиография

- Богаченко Т.В., Вдовченков Е.В., Громов Д.В. Этнографический проект ИИМО ЮФУ по изучению реакции интернет-сообществ на пандемию коронавируса // Вдовченков Е.В. (отв. ред.). XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции; Южный федеральный университет. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 235–239.
- Домчева Е., Чичкин А. Буря в стакане соленой воды // Российская газета. 2006, 17 фев. <<https://rg.ru/2006/02/17/sol.html>>.
- Романова Е. Копаем до первого зомби // Новая газета. 2021, 3 сент. № 98. <<https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/01/kopaem-do-pervogo-zombi>>.

МАРИЯ ВЯТЧИНА

О больничной этнографии и возрастающем пациентском неравенстве

Пандемия стала причиной множественных изменений в привычных практиках разных уровней. В рамках этого небольшого эссе с позиции социальной исследовательницы, включенной в изучение медицины и неравенств, я опишу несколько принципиальных

Мария Васильевна Вятчина
Университет Тарту,
Тарту, Эстония
maria.vyatchina@gmail.com

изменений в полевой работе во время эпидемии, с которыми мне пришлось столкнуться. Эти изменения касаются доступа к полю, трансформации социальных ролей и воспроизводства пациентского неравенства внутри медицинской системы, вступившей в длительную фазу рутинизации эпидемии.

Первое, о чем пойдет речь, это доступ к полю. До начала пандемии я уже имела некоторый опыт исследования как групп медицинских профессионалов, так и пациентов. При этом медицинские учреждения продолжали восприниматься мною как пример полузакрытого социального института, отчасти соответствующего описаниям Эрвина Гоффмана [Гоффман 2019]. Казалось, что за закрытыми дверями палат и рабочих кабинетов производятся контроль и власть, о чем пациенты или сотрудники стараются поскорее забыть, а рефлексия для внешнего, не погруженного в контекст слушателя и воспоминания об этом опыте часто могут быть спровоцированы драматическими событиями (конфликтами в коллективе, жалобами пациентов, судебными процессами и т.д.). С первых дней эпидемии и начала мобилизации внутри медицинской системы, о которой можно было узнать через новостные сводки о числе развернутых больничных коек, для меня стала притягательной идея участвующего наблюдения внутри больницы. Поводом послужило объявление в социальной сети о наборе волонтеров без медицинского образования для помощи в красной зоне. Таким образом, кризисную ситуацию на фоне критического роста госпитализаций можно описать как абсолютно неожиданное окно возможностей для включения в работу коллектива ковидного стационара. Мое участие было легитимным во всех отношениях: сначала рекрутеры, а затем коллеги и руководство были информированы о двигавшем мною исследовательском интересе к работе в госпитале, а статус добровольца, не определенный с точки зрения трудового права, сменился на статус сотрудника, что гарантировало определенные права и обязанности. Тем самым эпидемиологическая ситуация позволила сформулировать для медицинской системы запрос на появление и включение в контекст новой фигуры — человека, который полностью сфокусирован на работе заботы, ухода и вспомогательных задачах, не требующих медицинской квалификации.

Вопрос о новых задачах для социальных наук в связи с пандемией в моем исследовании можно переформулировать как вопрос о типах социальных взаимодействий, которые активизировало функционирование ковидных госпиталей. Нельзя сказать, что форма инфекционного стационара является для медицины чем-то новым. Наоборот, существовавшие до начала пандемии инфекционные отделения стали первыми учреждениями, которые соответствовали хаотично формулировавшимся

правилам эпидемиологической безопасности. Источниками этих правил одновременно были ВОЗ и другие международные медицинские организации, профессиональные сообщества медиков, министерства и прочие государственные ведомства. Из-за драматического роста числа пациентов эти правила (физическая изоляция, биополитический контроль, медицинские ограничения) постепенно распространялись как за пределы учреждений здравоохранения, так и на другие формы организации медицинской помощи. Например, параллельно с «перепрофилированием под ковид» разворачивались отделения в не предназначенных для этого местах. Милитаристская риторика войны против инфекции находила физическое воплощение в военно-полевых лагерях, которые развернули в южных регионах, или в переустройстве под профильные стационары выставочных и торговых павильонов.

Интересно посмотреть на то, какие практики возникали вокруг стационаров, какие социальные роли стали актуальными за время пандемии. Как представитель младшего медицинского персонала, я каждый день сталкивалась со ставшей востребованной формой «передач» от родственников и знакомых. Вместе с тем среди пациентов крайне востребованной оказалась форма получения необходимого через службы доставки. В этом смысле работники служб доставки становились такими же видимыми и необходимыми участниками пространства вокруг больниц, как и родственники пациентов или медицинские сотрудники. Другой тип важного социального агента в прибольничном ковидном пространстве описали коллеги из Замбии [Hunleth et al. 2021]. Проведенное ими исследование сфокусировано на трансформации роли *bedsider's* — близкого человека, которому в условиях отсутствия сиделок и дефицита ресурсов в больницах приходилось брать на себя уход и заботу о пациенте. С началом пандемии и развития идеи социальной изоляции *бедсайдеры* перестали быть легитимными в стенах больниц; фактически из «прикроватной» локации *бедсайдеры* вынужденно переместились в «привратную» локацию. Здесь *бедсайдеры* и исследователи проводили все свое время, ожидая хоть какой-нибудь информации. Иногда к воротам могли выходить сотрудники, которые сообщали *бедсайдерам* о том, чем они могут помочь своим близким. Во время работы в российском госпитале я не встречала *бедсайдеров*, поскольку их постоянное присутствие предотвращалось руководством учреждения.

История про изменения в позиции *бедсайдеров* очень резонирует с вопросом о готовности медицинской системы реагировать на вопросы неравенства в пациентской среде. Здесь я предельно широко трактую определение неравенства и пред-

лагаю на него посмотреть из перспективы пациентов с изначально неравными возможностями с точки зрения физического, экономического, социального статуса. Для выравнивания положения пациентов нужны фигуры-посредники, которые могут своей физической и эмоциональной вовлеченностью компенсировать сбои в системе. В качестве такой фигуры-посредника можно назвать, например, сиделку. Аналогично ситуации в Замбии в российских стационарах при необходимости ухода за пациентом родственники либо берут на себя эту функцию, либо могут оплатить услуги сиделки. И здесь мы приближаемся к сути тезиса про пациентское неравенство и важность фигур-посредников. Дело в том, что, несмотря на развитую структуру должностей, в ковидном госпитале изначально отсутствовала фигура сиделки. С первых дней работы в ковидном стационаре стало понятно, что система, построенная на массовой госпитализации и небольшом числе сотрудников, подразумевает еще и значительную нагрузку на пациента. Эта нагрузка парадоксальным образом предполагает, что пациент может заботиться о себе и своей гигиене самостоятельно; что при наличии хронических заболеваний пациент привезет с собой в стационар свои жизненно важные лекарства; что пациент имеет родственников, которые привезут все необходимое и/или недостающее (от питьевой воды, свежих фруктов и овощей до туалетной бумаги); что, наконец, пациент самостоятельно будет информировать близких о своем состоянии, поскольку справочная служба госпиталя не могла предоставлять развернутые сведения тем людям, которые не указаны в карте пациентка как «контактное лицо». В такой логике одинокие, больные, иммобильные, имеющие особенности слуха, зрения, ментального состояния (далее продолжить по списку) пациенты не вписывались в те условия, которые мог предоставить ковидный стационар. Их потребности и их состояние просто не могло стабильно поддерживаться крайне ригидной системой правил, которая диктовалась извне контролирующими инстанциями. Таким образом, не только аналитически, но и гуманистически важно говорить о месте «особых пациентов», которые попадали в структуру инфекционных стационаров.

В группу, которую я условно называю «особыми пациентами», включаются также люди с хроническими заболеваниями, состояние иммунной системы которых провоцировало долгосрочное или даже постоянное позитивное тестирование на COVID. Раз за разом, неделя за неделей такие пациенты продолжали оставаться в ковидных стационарах. Это могли быть люди с онкологическими диагнозами, ожидающие интенсивного лечения в профильном отделении, но не имеющие к нему

доступа из-за обязательного требования предоставить перед лечением справку об отсутствии коронавируса. Подобные истории довольно часто описывают врачи и журналисты [Фоминцева 2021], однако ход болезни и дальнейшее состояние каждого конкретного человека все еще решается вопреки действующим правилам. Хочется верить, что такие детально прописанные истории «поломок» могут инициировать большую открытость медицинских институтов и расширить доступ пациентов к медицинской помощи, а не наоборот.

Библиография

- Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с.
- Фоминцева П. Тысячи пациентов с положительным тестом на COVID-19 не получают лечения. Почему это происходит? // Такие дела. 2021, 28 мая. <<https://takiedela.ru/2021/05/tysyachi-s-kovid-ne-poluchayut-lecheniya/>>.
- Hunleth J., Asante C., Burack S., Chileshe M. Care at the Gate // Anthropology News. 2021, June 23. <<https://www.anthropology-news.org/articles/care-at-the-gate/>>.

ВИКТОРИЯ ДОНОВАН

Объединение или разобщение? Размышления о пандемии COVID-19 и ее влиянии на советские и постсоветские исследования

1

Январь 2021 г. ознаменовался одновременно началом моего проекта «Донбасс в фокусе: образы индустрии на востоке Украины» при поддержке Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (АНРС) и вторым локдауном в Великобритании. На Рождество нам сообщили, что вопреки обещаниям детские сады в январе не откроются, так что мы с моим партнером вернулись к нашей модели двухчасовых смен, когда мы оба дома, смотрим за ребенком и работаем по очереди. Кое-что, конечно, можно успеть сделать и за два часа, скажем разгрести завал не ответственных электронных писем или справиться с какой-нибудь особенно неприятной административной проблемой. Но что практически невозможно, так это сколько-нибудь

Виктория Донован
(Victoria Donovan)

Университет Сент-Эндрюса,
Сент-Эндрюс, Великобритания
vsd2@st-andrews.ac.uk

вдумчиво и сосредоточенно писать. Начинать исследовательский проект в условиях, которые моя коллега Лейла Сайфутдинова остроумно описала как состояние вечного «Маму перебили»¹ [Sayfutdinova, Storm 2022], совсем не хотелось. Представленный мною в Совет обширный план работы, где я обещала публикации, основанные на полевых экспедициях в Украину, и несколько публичных мероприятий при участии шотландских школ и архивов, теперь выглядел абсолютно невыполнимым. Университет подавал разнообразные успокаивающие сигналы, смысл которых сводился к «просто сделайте, что можете», тем не менее я хорошо понимала: то, что я сейчас не успеваю по научному плану гранта, не будет компенсироваться сокращением преподавательской нагрузки в будущем. Драгоценное время, когда я могла полностью посвятить себя исследованию, неумолимо истекало.

Когда начался второй локдаун, я работала в двух совместных проектах. Первый проект начался еще летом 2020 г. одновременно с объявлением первого локдауна. Вместе с моей тогдашней аспиранткой Дарьей Цымбалюк мы запустили эксперимент в области методов сотрудничества, который предполагал совместную работу с группой художников и кураторов в Донбассе и окрестностях на условиях полной прозрачности. Предполагалось, что проект будет проходить так: каждые две недели мы будем встречаться на онлайн-семинаре, и один из участников будет рассказывать о своей работе, связанной с регионом. После семинара мы с Дарьей будем описывать свои реакции на доклады в формате полевых заметок, которые затем покажем всем остальным. На следующем семинаре художники и кураторы будут откликаться на наши заметки, предлагать исправления и замечания к тому, как мы представили их самих и их практики в наших текстах. В конце проекта, когда все сделают презентации, мы с Дарьей должны были написать статью о нашем совместном исследовательском путешествии, где собирались рассказать о художниках и их работе, а также поразмышлять о вкладе таких антииерархичных исследовательских методов в процессы производства знания [Donovan, Tymbalyuk 2021].

Дизайн этого проекта полностью определялся условиями локдауна. Когда ритм исследований стремится к нулю из-за ограничений на поездки и других непредвиденных препятствий, появляется возможность более пристально заняться методологическими предпосылками работы. Я воспользовалась этим, чтобы нырнуть в литературу о феминистской этике [hooks 1992; Ahmed 2017; Lorde 2017] и деколониальной философии

¹ Отсылка к короткому комедийному фильму "Mom, Interrupted" (2017) об одинокой матери, которая огромными усилиями пытается выкроить время для себя.

[Tlostanova 2018; Koobak, Tlostanova, Thapar-Björkett 2021], и это очень сильно изменило мой собственный подход к письму. Как учат нас сторонницы реципрокной этнографии Палома Гайи-Бласко и Лирия Хернандес, когда вы пишете скорее «для» тех, кого исследуете, чем «о» них, получается значительно более сочувственно [Gay y Blasco, Hernández 2020]. Это стало очевидно, когда я начала работать над полевыми заметками о работе донбасских художников, зная, что они их потом прочитают. Я обнаружила, что пишу не утонченную критику и не умствующих комментарий, но скорее так, как привыкла учить студентов — стремлюсь подбодрить и поддержать моих коллег по исследованию, а не преуменьшить значение их труда или разбить их вдребезги [Dopovan, Tymbalyuk 2022]. По сути, этот же метод письма я адаптировала и для своей монографии. Свою книгу я перевожу и тоже показываю участникам исследования, оставляя на ее страницах пространство для их ответных высказываний и проблематизации моих репрезентаций.

Второй коллективный проект, в котором я работала во время локдаунов, назывался “Un/archiving Post/industry: Engaging Heritage and Developing Cultural Infrastructures”¹. Этот проект я координировала вместе с Ириной Склокиной в Центре городской истории Центрально-Восточной Европы в партнерстве с Мариупольским краеведческим музеем, Красноармейским краеведческим музеем и Донецким республиканским краеведческим музеем при финансовой поддержке Дома Европы и Фонда глобальных проблем при отделе помощи развитию зарубежных стран Британского правительства. Проект подразумевал работу с архивными коллекциями Востока Украины, которые находятся в опасности, при этом в фокусе интереса было визуальное наследие индустриализации. В результате было оцифровано около 30 000 фотографий из частных и институциональных архивов и десятки часов любительского кино. Несмотря на ограничения на публичные собрания в Украине, нам удалось провести несколько мероприятий, которые знакомили с новым архивом широкую публику. Среди них Дни домашнего кино во Львове, Краматорске и Мариуполе, где мы показывали избранные фильмы из цифрового киноархива проекта (зрители соблюдали социальную дистанцию), выставки архивных фотографий и текстов, летняя резиденция в Покровске, где с оцифрованными коллекциями могли поработать художники.

В июле и августе 2021 г. ограничения были ослаблены, и я провела два публичных мероприятия, где опробовала новые методы

¹ <<https://www.lvivcenter.org/researches/unarchiving-post-industry/>>.

своего исследования. Первое — это мастерская по фотографии для школьников на сланцевых отвалах в Западном Лотиане в рамках моего проекта на средства гранта AHRC. Я хотела посмотреть на проблемы, над которыми уже думала в донбасском контексте, в другом ракурсе — поработать с сообществами из бывших промышленных регионов Великобритании. Вместе с учениками местной средней школы мы исследовали архивные визуализации сланцевой индустрии Западного Лотиана и влияние этих исторических образов места на самовосприятие сообщества. Важно, что мы еще и бродили по самим отвалам и делали их фотографии, а также собирали образцы разнообразной растительной жизни, которая захватила постиндустриальные ландшафты, чтобы сделать их снимки в технике цианотипии (процесс фотопечати, который дает изображения голубого оттенка). Отталкиваясь от деколониальной философии о размещении (*emplacement*) и телесном знании и практике [Postanova 2018], я полагала, что если мы будем искать новые идеи непосредственно в этом пространстве и использовать при этом художественные практики, то сможем подорвать властные, институционализованные нарративы этого места, которые воспроизводят негативные стереотипы и лишают голоса местные сообщества.

Второе мероприятие — наша художественная мастерская в Покровске. Как и во время мастерской в Западном Лотиане, здесь тоже предполагались исследовательские практики, связанные с телесным опытом. Несколько творческих интеллектуалов отправились в промышленный регион на Востоке Украины, чтобы на собственном опыте прочувствовать локальные контексты и подумать о том, как их работа могла бы откликнуться на местные реалии и быть там полезна. Хотя на тот момент случаев ковида в Украине было совсем немного, мы принимали все меры, чтобы избежать заражения. После столь долгой изоляции мастерская стала приятным поводом, чтобы вспомнить те разновидности критического мышления и творческой практики, которые становятся возможны, когда люди собираются вместе, двигаются через пространство и переживают общий телесный опыт (осматривают заброшенные здания, ходят в местные музеи, блуждают по бывшей промзоне...). Я тогда прочитала лекцию под названием «Архивная лихорадка в эпоху пандемии», где размышляла о статусе архива как места формирования знания и о том, как мы могли бы творчески работать с архивом, исследуя его властную динамику. Посреди лекции, которая проходила на улице возле Красноармейского краеведческого музея, вдруг налетела песчаная буря, которая нас всех ослепила и заставила бегом спрятаться в ближайшем кафе. Когда во время локдауна в Шотландии я удаленно собирала материал

о Донбассе, то читала, что такие бури часто случаются в степях. Но, конечно, когда песок режет глаза и ты всем телом чувствуешь мощь стихии, которая вынуждала чиновников в XIX в. высаживать целые леса, чтобы защитить новые промышленные поселки, это дает совершенно другое понимание локальной реалии.

В последние годы социальные антропологи все больше размышляют о проблемах полевой работы и инклюзивности [Kudaibergenova 2019]. Феминистские критики разоблачают миф об антропологе — «отважном первопроходце», который может позволить себе (в смысле как финансовых, так и временных затрат) уделять месяцы или даже годы погружению в локальные контексты, усматривая в нем разновидность фильтра, неизменно исключающего исследователей с детьми, ограниченными финансовыми средствами или возможностями передвижения. Тот, кто пишет о ценности телесного опыта в исследовании, рискует попасть в подобную ловушку, ставя превыше всего формы исследования, доступные только небольшому числу обладателей привилегий. Думаю, что здесь могут помочь коллаборативные методы. Во время локдауна сотрудничество с моими украинскими партнерами по проекту “Un/archiving Post/industry” позволило мне продолжать исследование, даже когда моя собственная мобильность была серьезно ограничена. Мне кажется, что это могло бы стать решением для некоторых этических проблем, характерных для более традиционных видов исследования, хотя и здесь нужно постоянно помнить о потенциале эксплуатации, заложенном в такого рода сотрудничестве.

2

Когда все перешли на видеоконференции и другие формы онлайн-презентаций исследований, одним из последствий этого стала диверсификация и, можно даже сказать, демократизация исследовательских сообществ. Если о выступлениях сообщалось в социальных сетях и доступ к ним не ограничивался (а по крайней мере во время первого локдауна все было именно так), то их аудитория охватывала куда более широкий общественный срез, чем раньше. У этого были как плюсы, так и минусы. С одной стороны, выступления на темы, связанные с Россией, могли привлекать провокаторов и троллей: в Центре исследований России, Советского Союза и Центральной и Восточной Европы в Университете Сент-Эндрюса несколько мероприятий были сорваны из-за безграмотных, предвзятых и подчас оскорбительных комментариев в чате. С другой стороны, на онлайн-события в университетском Центре энергетической этики приходили представители нефтегазовой индустрии, в частности из США, что привело к увеличению разнообразия представленных голосов и точек зрения. Интересно

наблюдать, как по-разному исследовательские центры и институты справляются с новыми проблемами: одни просто полностью отключают функцию чата, лишая нарушителей возможности действовать, другие полагаются на строгость модераторов и их способность поддержать конструктивный диалог и не допустить подрывной деятельности. Так или иначе, любопытно смотреть, как реагируют исследователи, когда их утонченные изыскания наталкиваются на сопротивление «реального мира».

Процесс освоения этого нового ландшафта поучителен, поскольку заставляет снова задуматься об этике, стоящей за нашими исследованиями. В частности, меня поразил доклад моего коллеги из Университета Сент-Эндрюса о постиндустриальных музеях в Великобритании, в котором он использовал термин «хонтология» Дерриды [Derrida 1994], чтобы поразмышлять о том, как эти культурные институты настаивают на том, что индустриальное прошлое навсегда осталось в прошлом (т.е. на том, что в Великобритании не может быть новой индустриализации) [Raychaudhuri 2021]. Среди его примеров был музей Биг-Пита, последней действующей шахты в Южном Уэльсе, которую теперь переоборудуют в достопримечательность для туристов, нанимая туда на работу бывших шахтеров. Мой коллега не ожидал, что на докладе будет присутствовать один из кураторов этого музея и бывший шахтер Биг-Пита. Ему явно не понравилось, как исследователь концептуализировал кураторские практики, увидев в них меланхолию и непроработанную травму. Коллега хорошо справился с ситуацией: он не стал настаивать на своих идеях и признал авторитет местного эксперта в вопросах кураторской политики. Тем не менее для меня этот случай поднял ряд вопросов об ответственности исследователя. Должны ли мы думать о воздействии, которое наше исследование может оказать на местные сообщества, даже если эти сообщества не всегда включены в диалог с нами? Я все больше думаю, что должны.

3

На разные группы исследователей пандемия влияет по-разному. Я знаю, что особенно тяжело приходится тем, на ком лежат обязательства заботы (не только о детях), а также людям с ограниченными возможностями и психическими проблемами. При этом на личном опыте я лучше всего знакома с трудностями, которые испытывают родители детей дошкольного возраста. В отличие от родителей школьников, родители дошкольников не получили от своих детских садов никакой помощи, ни информационной, ни практической. Без помощи родственников оставалось только разрываться между воспитанием своих детей в первые годы их жизни и преподавательскими и исследовательскими обязанностями. В такой ситуации

для многих родителей (и вообще всех, кто должен за кем-то ухаживать) исследования отошли на второй план, ведь в сложных условиях постоянного эмоционального напряжения, которого требует родительство, и нехватки времени мало кому удастся сохранить способность к творческому мышлению. Я понимаю, что пандемия принесла много страданий: и хроническое одиночество, и рост домашнего насилия, алкоголизма и наркомании. И все же я думаю, что людям, обремененным обязательствами заботы о других (а ведь подчас они сталкиваются и с другими перечисленными проблемами тоже), пришлось особенно тяжело. В нашей области негативные последствия этого периода станут ясны только в будущем. Глубина провалов в профессиональных резюме будет зависеть от конкретных обстоятельств конкретного человека. Надеюсь (хоть и без большого оптимизма), что работодатели будут учитывать эти факторы, принимая решения о назначениях на позиции (особенно в случае молодых исследователей с семьями), рассматривая заявки на гранты и прошения о творческих отпусках и повышениях.

4

В этом году наша серия ежегодных семинаров в Центре исследований России, Советского Союза и Центральной и Восточной Европы в Университете Сент-Эндрюса получила название «Назад к телам: тела и телесная практика». Наша задача — оценить влияние пандемии на наши исследовательские и преподавательские практики. Мы начали с модулируемых бесед о телесных (embodied) и не телесных (disembodied) практиках исследований, где размышляли об идеях «гипертелесности» (“hyper-embodiment”) (в связи с возросшей во время пандемии уязвимостью и видимостью тел), не-телесности (disembodiment) (т.е. о неподвижности тел и невозможности поехать в исследовательские «поля», с чем мы столкнулись в последние годы), о субъективностях и интерсубъективностях в условиях меняющихся отношений заботы и сотрудничества между нами и нашими партнерами по исследованиям в этот период. Вторая часть программы будет координироваться членами Сообщества молодых исследователей нашего центра в сотрудничестве с исследователями и практиками из областей, прилегающих к регионам интереса центра. На 2022 г. запланированы дискуссии по таким темам, как преподавание во время пандемии и телесная практика (Михаил Водопьянов), размещение (emplacement) и смещение (displacement) в результате пандемии (Виктория Гривина и Евгения Пахомова) и цифровая связь и творчество в эпоху пандемии (Джеймс Грегг). Наши семинары открыты (но очень строго модулируются!), приглашаем присоединяться коллег, которым интересны эти или близкие проблемы: <<https://www.facebook.com/CRSCEES/>>.

Библиография

- Ahmed S. *Living a Feminist Life*. Durham, NC: Duke University Press, 2017. 304 p.
- Derrida J. *Spectres of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International* / Transl. by P. Kamuf. N.Y.: Routledge, 1994. 198 p.
- Donovan V., *Tsybalyuk D.* *Strange and Twisted Love: Researching Art Practices in Donbas Through Collaborative Frames* // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Special number for Donbass Imaginaries: Heritage, Culture, Communities. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 109–135. doi: 10.1353/reg.2021.0007.
- Donovan V., *Tsybalyuk D.* *Mezhi kolaboratsii: mistetsvo, etyka ta Donbas / Limits of Collaboration: Art, Ethics, and Donbas / With Dmytro Shepurnyi, Viktor “Corwic” Zasyppkin, Oleksandr Kuchynskyi and Kateryna Siryk*. Kyiv: ArtKnyga, 2022 (forthcoming).
- Gay y Blasco P., *Hernández L.* *Writing Friendship: A Reciprocal Ethnography*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 189 p.
- hooks b. *Black Looks: Race and Representation*. Boston, MA: South End Press, 1992. 200 p.
- Koobak R., *Tlostanova M., Thapar-Björkett S.* *Postcolonial and Postsocialist Dialogues*. N.Y.: Routledge, 2021. 282 p.
- Kudaibergenova D.T.* *When Your Field Is Also Your Home: Introducing Feminist Subjectivities in Central Asia* // *Open Democracy*. 2019, Oct. 2. <<https://www.opendemocracy.net/en/odr/when-your-field-also-your-home-introducing-feminist-subjectivities-central-asia/>>.
- Lorde A. *Your Silence Will Not Protect You*. L.: Silver Press, 2017. 220 p.
- Raychaudhuri A.* “Tell ‘em about the Men”: The Fractured Politics of Heritage in Postindustrial Museums. Talk at the Cultural Identity and Memory Studies Institute. University of St Andrews, 2021, April 28.
- Sayfutdinova L., Storm K.* *Mom, Interrupted: Precarity, Fieldwork and the Politics of Inclusion*. Talk at the CRSCEES series “Back to Bodies: Corpora and Embodied Practice”. University of St Andrews, 2022, April 25.
- Tlostanova M.* *What Does It Mean to Be Post-Soviet: Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire*. Durham: Duke University Press, 2018. 160 p.

Пер. с англ. Александры Касаткиной

АБИГАЙЛЬ КАРАС**1**

Пандемия оказала огромное влияние на мой подход к исследовательской работе: сложности, связанные с локдаунами и запретами на поездки, которые ограничили наши взаимодействия и доступ к полям, вынудили меня пересмотреть свои рабочие привычки

Абигайль Карас (Abigail Karas)
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания
abigail.karas@univ.ox.ac.uk

и расширить методологию за счет новых исследовательских возможностей.

Весной 2020 г. я находилась во второй из двух своих полевых поездок в рамках диссертационного проекта, посвященного руфингу (развлечению, связанному с незаконным проникновением на городские крыши) в Санкт-Петербурге. Руфинг — это один из многочисленных способов, какими горожанин может изучать свой город. Руферы осваивают верхний уровень городского пространства, попадая туда через дворы и лестницы или, в экстремальных случаях, забираясь по стенам домов.

Первоначально в рамках проекта я намеревалась провести эмпирическое исследование и рассмотреть эту практику как в ее локальном социальном контексте, так и в контексте глобального движения индустриального туризма (*urban exploration movement*). Но, поскольку условия работы (да и жизни) во время пандемии постоянно менялись, в результате получилось значительно более масштабное городское исследование, которое затрагивает социальные, экономические, политические и культурные аспекты жизни в Санкт-Петербурге и как вертикальную, так и горизонтальную оси городского пространства.

Адаптация к ограничениям

До пандемии моим главным методом полевой работы было включенное наблюдение. Я проводила время с руферами (чаще просто в их повседневной жизни, чем на крышах) и брала у них неформальные интервью, стремясь понять, зачем они выходят на крыши и как в целом это увлечение вписывается в их жизни. Когда из-за стремительного ухудшения эпидемиологической ситуации я была вынуждена вернуться из Санкт-Петербурга в Великобританию, мне пришлось искать новые способы проводить исследование из дома, чтобы продолжать свой проект. Никто не знал, сколько может продлиться локдаун и удастся ли мне вообще вернуться в Россию (ограничения на перелеты между Англией и Россией сняли только в июне 2021 г.). Вся эта неопределенность очень сильно повлияла на развитие моего проекта. Чтобы исследование не стояло на месте, мне пришлось переключить внимание на гораздо более широкий спектр способов использования крыш и связанных с ними социальных групп. Я и раньше, еще в поле, заметила, что практики руфинга — лишь одно из проявлений интереса к петербургским крышам и небесной линии, который возник в контексте масштабных трансформаций верхнего яруса города в последние 20 лет. Однако благодаря пандемии необходимость расширить тему моего исследования стала очевидной и настоятельной.

Хотя в поле я начала исследовать современное использование крыш и перемены, которые происходят в городе в настоящее время, теперь я добавила в проект историческую перспективу. Дмитрий Лихачев писал в статье «Небесная линия города на Неве»: «Образ города предстает перед нами в двух аспектах: в аспекте синхронии — его внешний облик как наглядная данность, и в аспекте диахронии — восприятие его как истории, как становления культуры и т.д.» [Лихачев 1989: 8]. Отталкиваясь от этих строк, я обратилась к историческому подходу в поисках подсказок, как лучше описать и объяснить те культурные процессы, которые я наблюдала, а также чтобы иметь возможность продолжать исследование, оставаясь дома в разгар пандемии. Это взаимодействие между историческим, диахронным и синхронным видениями города легло в основу методологии и концептуализации моего проекта. Новый междисциплинарный подход дал мне возможность исследовать и статус крыш в современном Петербурге, и культурные процессы, которые разворачивались на протяжении всей городской истории и предопределили статус и небесной линии города, и его крыш.

Я решила обратиться к историческому подходу в первую очередь потому, что не могла поехать в поле, но в итоге это позволило мне увидеть культурные процессы, благодаря которым небесная линия заняла свое место в локальном воображении, а значит, и найти объяснение феномену петербургского руфинга. Сосредоточившись на разнообразных способах использования городских крыш, я охватила значительно больше проблемных областей, чем могла вообразить, когда начинала свое исследование: от истории баров и ресторанов на крышах города до политической природы вертикального развития петербургской небесной линии. Такой диахронно-синхронный анализ одновременно помогал понять сложные взаимодействия между городским пространством и локальной идентичностью и позволял мне продолжать исследование из дома.

В дальнейшем, чтобы понять, почему небесная линия так важна для локального воображения, я еще больше расширила свое исследование, включив туда, наряду с более традиционными историческими документами, которые были мне доступны (дневники, травелоги, архивные источники), также литературу, живопись и кино. Кроме того, визуальные источники помогли мне понять крыши как эстетическое переживание. Как пишет Ричард Джонсон, «формы, регулярности и конвенции, впервые выявленные в литературе (или некоторых видах музыкального или визуального искусства), часто в итоге получают значительно более широкое хождение в обществе» [Johnson 1996: 94]. Это особенно верно для Санкт-Петербурга, который в значительной

степени сформирован его литературными и живописными образами.

Пандемия вынудила меня более творчески подходить к сбору данных, проявлять гибкость и искать новые инструменты там, где традиционные не годились. В итоге благодаря пандемии я расширила круг источников и методологий и неожиданно для себя пришла к междисциплинарному подходу, который оказался особенно продуктивен для изучения городской культуры и общества.

Переход онлайн

Хотя исследование из дома и позволило мне значительно расширить фокус моего проекта, все-таки любое удаленное исследование сопряжено с трудностями. Пандемия серьезно ограничила мой доступ к архивам: российские государственные архивы по большей части не оцифрованы, а я застряла в изоляции в Британии. Только один центральный архив города, Санкт-Петербургский центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб), согласился отсканировать и прислать мне нужные документы (за плату), и это во многом благодаря тому, что я успела зарегистрироваться там в читальном зале, еще когда была в городе. Так что пришлось проявить гибкость в вопросе, какие материалы включить в диссертацию, ориентируясь на доступность источников в моих обстоятельствах.

И все же цифровые методы очень помогли мне собрать материал для исследования. У меня был доступ к цифровым базам данных и архивам, прежде всего к «Прожито», цифровой коллекции личных дневников, которая насчитывает более полу-миллиона записей от XVIII до конца XIX в. [Kalinina 2021]. Кроме того, я брала интервью онлайн у жителей и гостей Петербурга, вела электронную переписку, писала в соцсетях.

Вынужденная изоляция коренным образом изменила формат моего исследования, так что вся моя полевая работа переместилась в цифровое пространство. Я и до пандемии планировала использовать цифровые методы (хоть и в ограниченном объеме), чтобы изучить онлайн-присутствие ружинга и мнение широкой публики о моих героях. Однако весной 2020 г. я внезапно оказалась перед необходимостью продолжить свое включенное наблюдение исключительно в цифровой среде, поскольку онлайн-общение осталось единственным каналом социальных взаимодействий, который не был перекрыт режимом пандемии COVID-19.

Пандемия с самого начала расширила возможности виртуальной полевой работы. Особенно продуктивным средством ком-

муникации с моими полевыми участниками стали голосовые сообщения в «Телеграме»: больше не нужно было тратить усилия на координацию наших расписаний, я просто отправляла по несколько вопросов в одном сообщении, а люди отвечали, когда им удобно. Этот способ связи появился сам собой: я переписывалась с одним участником, пытаясь подобрать время для встречи, а он в ответ прислал мне голосовое. Голосовые сообщения — это выразительное средство коммуникации, они лучше передают тон и эмоции, чем письменное послание, а отправлять их не сложнее, чем короткую текстовую реплику.

Кроме того, «Телеграм» был средством коммуникации, которым мои полевые участники и без того пользовались, чтобы общаться друг с другом. Он помогал мне координировать полевую работу и поддерживать связь с людьми в поле, пока я собирала материал. Я знала, что участники моего исследования уже были знакомы с «Телеграмом» (и что у всех он был установлен в телефонах), и потому предпочитала это приложение программам для видеосвязи — «Зуму» или «Скайпу» (хотя эти способы связи имеют свои преимущества, в частности они могли бы дать мне доступ еще и к невербальным аспектам взаимодействия).

Этот способ также хорошо соответствовал конкретному демографическому профилю той группы, с которой я работала. «Телеграм» — чрезвычайно важная форма социальных и культурных обменов в современной России. Благодаря сквозному шифрованию и акценту на приватности это приложение также ассоциируется в некотором роде с контркультурным поведением [Akbari, Gabdulhakov 2019]. Таким образом, для задач моего исследования, которое фокусировалось на социальных функциях деятельности, связанной с поддержкой субкультурных идентичностей, «Телеграм» оказался особенно полезной коммуникативной платформой. Благодаря ему я смогла продолжить этнографическую часть своего исследования, несмотря на существенный пространственный и временной разрыв между мной и его участниками. В целом взаимодействовать с полем в цифровой среде, включая другие медиаплатформы, становится все легче и легче, невзирая на ограничения, налагаемые пространством и временем [Markham 2009; Postill 2017].

Думаю, что возможности «Телеграма» (и других платформ) как средства социального взаимодействия, которые выявились во время пандемии, теперь будут повсеместно использоваться наряду с более традиционными формами эмпирического исследования, такими как включенное наблюдение и интервью офлайн. И все же ни одна методология не совершенна, и хотя голосовые сообщения хорошо помогли мне дополнить информацию, которую я уже успела собрать в поле, тем не менее это

асинхронный метод, которому недостает спонтанности и динамики взаимодействия лицом к лицу (или даже синхронных видеозвонков) [Mann, Stewart 2000].

На самом деле этот общий сдвиг в моих рабочих взаимодействиях от синхронности к асинхронности подчеркивает не только более очевидные пространственные барьеры, навязанные пандемией, но и барьеры временные, которых до изоляции не было. На мой взгляд, эти методы как таковые не заменяют личных исследовательских встреч, а лишь помогают получить из поля дополнительные данные. Более того, я абсолютно уверена, что мне удалось успешно ими воспользоваться только потому, что я уже успела установить доверительные отношения со своими собеседниками до пандемии, так что смогла продуктивно общаться с ними через «Телеграм» и продолжать мое исследование, несмотря на сложности со временем.

Конечно, цифровые инструменты помогли мне поддерживать отношения с участниками моего исследования, но при этом я думаю, что продолжение моего проекта посредством этой платформы оказалось возможно только потому, что я успела узнать изучаемый город и культуру во время многочисленных поездок в Россию до локдаунов 2020–2021 гг. Если бы я пыталась искать через интернет новых участников, все могло бы обернуться совсем иначе.

Хотя мой личный опыт полевого общения через цифровые медиа помог мне многое узнать о потенциале этих средств сбора данных, я думаю, что пандемия коронавируса лишь существенно ускорила уже давно идущие процессы цифровизации. Литературы о компьютерно-опосредованных методах полевой работы появляется все больше и больше (см., например: [Coleman 2010; Fielding, Lee, Blank 2017]). Вот уж действительно, как пишет Кристин Хайн, технологические достижения последних десятилетий привели к тому, что взаимодействие лицом к лицу больше не является «тем золотым стандартом, по которому мы судим об эффективности компьютерно-опосредованного взаимодействия» [Hine 2005: 4]. При том что виртуальные методы и без того получают все более широкое признание, во время пандемии потребность в цифровых практиках возросла в разы, учитывая нашу вынужденную удаленность друг от друга, и теперь эти средства общения не просто получили легитимность — они стали нормой.

Вывод

Подводя итог, можно сказать, что, хотя пандемия и погрузила весь мир в локдаун, парадоксальным образом она открыла

новые возможности для моего исследования, позволив мне развивать свой проект в новых направлениях и вынудив меня искать новые подходы, в том числе пересекая дисциплинарные границы и привлекая значительно более широкий диапазон источников (исторических и культурных). В конечном итоге, несмотря на все сложности полевого исследования из дома, я думаю, что благодаря пандемии мой проект получился значительно более насыщенным, чем я могла бы ожидать изначально.

Кроме того, методологические особенности удаленного исследования, несомненно, изменили мое видение и полевой работы, и того, что собой представляет «поле» как таковое. И я уверена, что те расширенные возможности, которые дает виртуальное исследование, будут привлекать все больше внимания исследователей и войдут в научный обиход наряду с более традиционными методами. Этот процесс особенно важен, если учитывать, что все мы теперь живем не только в физическом, но и в цифровом пространстве и наши офлайн- и онлайн-личности находятся в постоянном взаимодействии.

Библиография

- Лихачев Д.* Небесная линия города на Неве // Наше наследие. 1989. № 8. С. 8–13.
- Akbari A., Gabdulhakov R.* Platform Surveillance and Resistance in Iran and Russia: The Case of Telegram // Surveillance and Society. 2019. Vol. 17. No. 1/2. P. 223–231. doi: 10.24908/ss.v17i1/2.12928.
- Coleman G.* Ethnographic Approaches to Digital Media // Annual Review of Anthropology. 2010. No. 39. P. 487–505. doi: 10.1146/annurev.anthro.012809.104945.
- Fielding N., Lee R., Blank G.* (eds.). The Sage Handbook of Online Research Methods. L.: Sage Publications. 2017. 684 p.
- Hine C.* Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet. N.Y.: Berg, 2005. XIII+242 p.
- Johnson R.* What Is Cultural Studies Anyway? // Storey J. (ed.). What Is Cultural Studies? A Reader. L.: Arnold, 1996. P. 75–114.
- Kalinina E.* Affordances of Digital Archives: The Case of the Prozhito Archive of Personal Diaries // Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 370–387.
- Mann C., Stewart F.* Internet Communication and Qualitative Research: A Handbook for Researching Online. L.: Sage Publications, 2000. 272 p.
- Markham A.* How Can Qualitative Researchers Produce Work That Is Meaningful across Time, Space, and Culture? // Markham A., Baym N. (eds.). Internet Inquiry: Conversations about Methods. L.: Sage Publications, 2009. P. 131–172.

Postill J. Remote Ethnography: Studying Culture from Afar // Hjorth L., Horst H., Galloway A. et al. (eds.). The Routledge Companion to Digital Ethnography. N.Y.: Routledge, 2017. P. 61–69.

Пер. с англ. Александры Касаткиной

КАТРИОНА КЕЛЛИ

1

По ощущениям, мне еще относительно повезло. В конце марта — начале апреля 2020 г. были гнетущие дни, когда мне приходилось одну за другой отменять поездки (всего, кажется, семь). До сих пор помню наше последнее путешествие перед карантином (в Эдинбург 13–14 марта 2020 г.) и сюрреалистический момент после возвращения, 18 марта, когда мы, будучи в Лондоне (где тогда в основном жил мой муж), погрузили самую необходимую одежду и нашего кота Тимура и понеслись в Оксфорд — и тут же закрылась вся страна. С того времени и где-то до июня мы уходили от дома не дальше, чем на пешую прогулку. Но если на руках нет маленьких детей или взрослых, о которых необходимо заботиться, то три месяца непрерывного общения с семьей — это огромное удовольствие, самое время поразмышлять и подвести итоги. В то же время, если говорить о более широком семейном круге, мы очень волновались за мою сестру, которая жила одна за городом и не могла видиться с детьми, потому что они были в Лондоне. К счастью, у нее милые соседи, которые включили ее в свой круг общения (так называемый “bubble”, как только правила немного смягчили, были разрешены встречи до шести человек). Но она пережила очень непростое время.

При этом ситуация с рабочими планами требовала полного переосмысления. В апреле 2020 г. я думала ехать в Москву, чтобы собирать материал для нового проекта (историческое кино с 1953 г. до перестройки). Эту поездку, как и многие другие, пришлось отменить. Попасть из Великобритании в Россию было практически невозможно

Катриона Келли (Catriona Kelly)

Тринити Колледж,
Кембридж, Великобритания
sk616@cam.ac.uk

в течение 18 месяцев! В сентябре 2020 г. мне удалось ненадолго выбраться в Санкт-Петербург, и это казалось почти чудом. А потом уже только в июне 2021 г. (границы были открыты, но в самолеты пускали только граждан РФ — как будто бы вирус смотрел, какой у вас паспорт!). Россия — это наглядная иллюстрация, что закрытием границ не остановишь распространение вируса (как всегда и говорила ВОЗ), во всяком случае пока нет эффективных мер против передачи заражения внутри страны. Это открытие, впрочем, могло порадовать разве что эпидемиолога.

Я подала заявку на свою нынешнюю рабочую должность в январе 2020 г. Собеседования были запланированы на май. А потом всю процедуру отбора отложили на год, потому что колледж хотел провести собеседования лично (ха!). В итоге собеседования состоялись в ноябре 2020 г., через Zoom, разумеется. И это мало что изменило, потому что, даже если бы мне назначили собеседование в мае 2020 г., я в любом случае не смогла бы тогда перейти на работу в новую организацию (если бы, конечно, я вообще получила должность).

2

Что касается исследований, положительным следствием пандемии стала возможность оглянуться на уже собранный материал и понять, что его больше, чем поначалу казалось. Не думаю, что смогу написать свою следующую книгу исключительно на основе того, что собрала в архивах до марта 2020 г., но по крайней мере мне удалось хорошо продвинуться в составлении плана будущих исследований. Кроме того, на тот момент многие нужные мне фильмы были в пристойном качестве доступны онлайн для бесплатного просмотра. К сожалению, ситуация меняется по мере того, как киностудии пытаются монетизировать доступ к самым популярным фильмам из своих архивов, а часть наименований просто скупают некоторые крупные онлайн-сервисы — MUBI, Netflix¹. Помню, как в начале лета 2020 г. я посмотрела довольно много фильмов о Ленине конца 1950-х — начала 1970-х гг. и обнаружила их полное несоответствие общепринятому мнению, что в этот период искусство на ленинскую тему сводилось исключительно к вялому тиражированию стереотипов. В декабре 2020 г. я выступила с докладом в московской Вышке (Высшей школе экономики), где была приятная живая аудитория и хорошая дискуссия. В рамках другого проекта, посвященного мини-истории русской еды для серии небольших книг о России издательства «Блумсбери», я потратила много времени на чтение базы данных Prozhito.ru, которая бесценна

¹ Конечно, это результат бума онлайн-просмотров во время пандемии. Демонстрация кино в интернете вдруг стала приносить большие деньги, и каждый захотел что-то урвать для себя. Хорошо, если хоть какая-то часть этих денег идет тем творческим людям, которые эти фильмы, собственно, создавали.

для исследований пищи, поскольку дает представление о том, что люди на самом деле ели.

Если же смотреть шире моих конкретных исследовательских задач, то я с радостью отметила, что российские архивы в некоторых случаях значительно повысили уровень своих онлайн-представительств. Например, в РГАЛИ теперь намного проще пользоваться онлайн-каталогом, а в ЦГАЛИ СПб вложили огромное количество труда в аннотирование, так что теперь там есть путеводитель по содержанию дел. Это бесценно в случаях, когда заголовок дела, скажем, такой: «Стенограммы заседания художественного совета киностудии. Начальная дата: 12 января 1978 г. Конечная дата: 17 марта 1978 г.». Когда известно, какие именно фильмы там обсуждались, это экономит много времени, особенно если учитывать ограничение не больше 1500 листов на один заказ, а такие дела обычно растягиваются до 350–400 листов.

Что касается онлайн-лекций, мне пришлось многому научиться, потому что раньше я почти никогда не пользовалась видеоконференциями. Моей главной реакцией на дистанционное обучение было огромное облегчение от того, что оно вообще работает. К счастью, к концу второго семестра я уже отчитала все свои лекции на 2019–2020 гг., поэтому в третьем семестре речь шла только о том, чтобы наладить обучение в малых группах со студентами, которых я уже знала. Я очень старалась, чтобы им было интересно. Например, поскольку экзамены для первокурсников отменили, я разработала новый курс (гораздо более изощренный, чем его официальная версия) и дала много дополнительной литературы и список полезных интернет-сайтов, включая ссылки на лекции «Арзамаса» и сайт ИРЛИ. В некотором смысле онлайн-занятия работали даже лучше, чем очные, потому что легче удавалось вовлечь таких студентов, которые обычно очень стесняются участвовать. Кроме того, застряв дома с родителями, бедолаги действительно с удовольствием читали и с нетерпением ждали наших дискуссий на занятиях, которые стали для них лучом света. По тем же причинам (отсутствие других развлекающих или отвлекающих факторов) на наш регулярный Российский исследовательский семинар (для аспирантов и преподавателей) стало приходиться гораздо больше людей, чем обычно. Мы, конечно, не собирали по 500 человек, как (по моим сведениям) мероприятия Джордановского исследовательского центра в Нью-Йоркском университете, но человек 60–70 у нас бывало, что примерно в три раза больше, чем когда мы собирались лично. В то же время люди быстро устали от Zoom, Teams и всего прочего в таком духе. Осенью 2020 г. я вернулась к очным занятиям, по крайней мере с небольшими группами (свои лекции я записывала, потому что

такова была политика факультета). Оказалось, что студенты были за это очень признательны.

В целом, на мой взгляд, один большой плюс всей этой ситуации состоит в том, что мы научились ценить живой контакт: теперь мы знаем, насколько он драгоценен и как тяжело он может доставаться. Думаю, пройдет еще несколько лет, прежде чем живые встречи снова станут для нас нормой. Второй плюс — мы все стали намного эффективнее работать онлайн. Быстро стало понятно, что просто начитывать доклад в Zoom — только наводит смертельную скуку на аудиторию. Презентации, видео- и аудиоклипы — вот для чего создана эта платформа. Но, пожалуй, самое продуктивное открытие, которое сделали для себя многие люди в самых разных местах, — это насколько хорошо работает диалоговый формат. Чем зачитывать классические презентации новых книг, гораздо лучше, если пара человек будет задавать вопросы. Так удастся лучше вовлечь аудиторию, так что больше вопросов будут задавать из зала и не наступит тот неловкий момент, когда после длинной и страстной речи единственного оратора все оцепенеет и никто не сможет придумать, что бы еще сказать.

Видеоконференции также значительно упрощают организацию международных семинаров. Так легче отслеживать новые тенденции в нашей области, и можно познакомиться с работой молодых людей, которые не смогли бы позволить себе приехать (и не только с их работой). В то же время исчезло неформальное общение, за которое всегда так ценились эти мероприятия (и конференции и т.д.).

3

На мой взгляд, в будущем лучше всего было бы прийти к какой-то гибридной системе. И я совершенно точно против мероприятий, где часть людей находится в Сети, а часть — нет. По моему опыту, такой формат обычно работает очень плохо. Я имею в виду систему, в которой онлайн используется для одних задач, а личное общение — для других. Например, я подозреваю, что теперь онлайн-формат гораздо чаще будет использоваться на защитах диссертаций, по крайней мере в тех академических культурах, где принято приглашать членов комитета не из той организации, где числится кандидат. Трудно найти оправдание расходам принимающего учреждения и временным затратам на дорогу самого члена комитета (который/которая наверняка зарабатывает куда меньше минимальной заработной платы в час, пока летит через всю страну, а то и через весь мир), не говоря уже об ущербе для планеты. Думаю, неформальные исследовательские встречи онлайн будут продолжаться. Подозреваю, что и собеседования при приеме на работу также часто будут проходить в интернете, потому что во многих отношениях это более

справедливо. Дело не только в деньгах, сэкономленных на билетах и проживании (как и в случае с защитами): онлайн менее заметны некоторые факторы, которые могут подсознательно повлиять на выбор кандидата (например, рост или язык тела). К тому же комитеты, проводящие собеседование, понимают, что не видят «настоящего человека», а значит, становятся более критичны к себе, чем при контакте лицом к лицу, и все это только к лучшему.

4

Наиболее очевидный эффект пандемии в университетах, по крайней мере в Великобритании, — это бум в биомедицине. В Оксфорде никогда не было абсолютного запрета на поездки за границу, но на ранней стадии пандемии нам всем не советовали никуда ездить — всем, кроме тех, кто занимается исследованиями ковида. Конечно, есть опасность, что такие двойные стандарты сохранятся и в будущем. (Ирония в том, что администраторы британских университетов, нацеленные на сокращение расходов, уже много лет не любят биомедицину, потому что это дорого, а затраты на обучение и науку не компенсируются государственным финансированием, которое щедро направляется на исследования в области клинической медицины). Несомненно, весьма актуальными кажутся теперь, например, исследования по истории медицины. По стечению обстоятельств я сама последние несколько месяцев немного работала в этой области или на ее границах. Гай Байнер, мой друг из Израиля, который занимается политикой памяти, особенно в контексте ирландской истории, в 2019 г. запустил исследовательский проект о памяти об эпидемии гриппа 1918 г. (В прошлом году я в шутку сказала Гаю, что, учитывая его пророческие таланты, я рада, что он не решил делать проект, посвященный памяти о Первой мировой войне!) Ему не удалось уговорить участвовать в проекте никого, кто бы лучше, чем я, разбирался в России, так что пришлось мне согласиться набросать для него черновик исследования. Несколько месяцев эпидемии гриппа 1918–1919 гг. широко освещались в советской прессе, так что отсутствие памяти о ней совершенно точно не связано с малыми цифрами жертв. Мне кажется, Наркомздрав уделял мало внимания гриппу в своей медицинской пропаганде, потому что главной его целью было распространение дидактических материалов о профилактике болезней с известными причинами (например, холеры, тифа). К тому же грипп быстро утратил свою смертоносность и стал казаться сравнительно легкой болезнью — не то, от чего мог умереть уважающий себя советский гражданин. Интересно наблюдать, как «испанка», погубившая Якова Свердлова, в течение полутора десятилетий после его смерти постепенно исчезает из материалов «Правды», приуроченных к печальной годовщине, и параллельно широко рас-

пространяются слухи, что на самом деле он умер вовсе не от гриппа. Мой интерес к этим сюжетам — прекрасная иллюстрация того, как настоящее формирует интерпретацию прошлого.

И если рассуждать на другом уровне, я обнаружила, что локдаун вызывает во мне мощные ассоциации с моим опытом жизни в советской провинции в самый пик (или на самом дне?) периода застоя. Длинные очереди, дефицит продуктов, особенно нечем заняться — но также и ощущение истинной ценности близких отношений. Возможно, это могло бы помочь нам пересмотреть свое восприятие советской истории, взглянуть на нее с большим сочувствием. Я немного писала обо всем этом в недавнем юбилейном выпуске “Russian Review” [Kelly 2021].

Библиография

Kelly C. Material Mined: Rereading Serguei Oushakine, “Against the Cult of Things’: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination,” *The Russian Review* 73, 2 (April 2014): 198–236 // *The Russian Review* at 80. 2021. <<https://russianreview.ku.edu/material-mined>>.

Пер. с англ. Александры Касаткиной

АННА ЛАЗАРЕВА

Уравнение с двумя неизвестными: коллективный проект в условиях изоляции

1

Пандемия ощутимо повлияла на мою научную и преподавательскую работу. В 2020 г., когда был введен режим самоизоляции, я преподавала в Центре социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета и руководила коллективным научным проектом, участники которого — студенты ЦСА (в рамках проекта предусматривалась организация конференций). Всю эту работу пришлось выполнять иначе, чем я предполагала.

Проведение занятий в дистанционном режиме

Если говорить о преподавании, то переход на дистанционный режим серьезных затруднений у меня не вызвал: я проводила

Анна Андреевна Лазарева
независимый исследователь,
Москва, Россия
anna-kadabra@mail.ru

и лекции, и семинары, и экзамены онлайн. Проводить семинар онлайн, на мой взгляд, все-таки сложнее, так как студенты, как правило, менее активны на дистанционных занятиях — часто бывало, что в ответ на вопрос к группе все молчали или работали один-два человека. Не всегда было понятно, присутствуют ли остальные, так как большинство не включает камеры. Приходилось составлять более жесткий план занятия. Часто онлайн-семинар, предполагавший обсуждение литературы, проводился примерно в такой форме: я озвучиваю вопрос, прошу нажать кнопку «поднятие руки» тех, кто может на него ответить, далее опрашиваю студентов, начиная с тех, кто первый поднял руку (всех следующих прошу дополнить или прокомментировать первый прозвучавший ответ), ближе к концу занятия предоставляю слово в основном тем, кто реже отвечал. Во время таких семинаров иногда создавалось ощущение, что я по очереди работаю с каждым студентом, а не с группой в целом. «Живые» семинары обычно проходят более спонтанно. Например, почти все занятие может уйти на дискуссию, которая увлекает многих студентов.

Читать лекции в онлайн-формате оказалось, наоборот, проще, чем очно: больше инструментов под рукой — можно запустить презентацию, или нарисовать схему, или отправить ссылку на интернет-ресурс, на который студенты могут сразу же перейти. Дистанционные занятия позволяют избежать некоторых бытовых неудобств, таких как, например, отсутствие проектора в аудитории или посторонний шум. Так, однажды во время моей очной лекции в коридоре работали строители, и каждый раз, когда они включали дрель, приходилось делать паузу — проводить занятие было практически невозможно. Хотя, конечно, некоторые технические трудности при проведении дистанционных занятий также возникали, например один раз из-за неустойчивого интернета пришлось перенести семинар. Самый существенный плюс дистанционных занятий — экономия времени на дорогу.

Коллективный проект в дистанционном режиме

В 2020 г. мы со студентами Центра социальной антропологии реализовывали коллективный научный проект «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о сновидениях (на восточнославянском материале XX–XXI вв.)». Название проекта предполагает, что все его участники вместе работают над составлением указателя¹. Изначально я планиро-

¹ В рамках проекта был впервые предложен способ описания мотивов пророческих сновидений в следующей форме: сначала обобщенное описание инварианта (*структура сюжета сновидения — ее устойчивая семантика*), далее краткое описание конкретных текстов, соответствующих выде-

вала, что студенты проведут полевые исследования, запишут корпус фольклорных рассказов о снах, затем мы будем вместе анализировать и сопоставлять эти тексты, встречаясь после занятий, что, вероятно, выльется в какое-то существенное дополнение к указателю, первый вариант которого уже был мною на тот момент разработан (и вместе с рукописью моей монографии рекомендован к публикации на заседании Центра социальной антропологии). Однако когда началась пандемия, мне было не очень понятно, как перевести эту работу в дистанционный формат. Студенты не всегда быстро отвечали на письма, мало кто проявлял активность в нашей внутренней группе во «ВКонтакте», а когда назначалась встреча в Zoom, к ней обычно подключались только несколько участниц проекта. Как потом оказалось, у некоторых были проблемы со связью, некоторые болели, некоторые передумали участвовать в проекте из-за пандемии, также возникали проблемы из-за разницы во времени между Москвой и другими городами, куда уехали иногородние студенты после введения режима самоизоляции. Сложно было то, что участниц я не видела, а «на берегу», к сожалению, мы не успели обсудить все детали работы над проектом (да и во внезапно обрушившейся новой реальности даже то, о чем мы успели договориться, утратило свою актуальность). Во время изоляции мне никогда не было до конца ясно, какая у студентов мотивация. Пока мне не стали присылать записанные дистанционно фольклорные тексты и первые наброски статей, я не могла даже с уверенностью сказать, пытается ли вообще кто-то делать хоть что-нибудь (работа над проектом была для участниц факультативной, почти все писали курсовые по иной тематике). Возможно, проблема была не столько в самом дистанционном формате, сколько в нашей общей неподготовленности к такому повороту, эффекту неожиданности, который вызывал чувство растерянности.

Ситуацию осложняло то, что готовить публикации студентам пришлось в очень сжатые сроки. На реализацию проекта был отведен всего год, но фактически до отчета, который нужно было представить вместе со списком публикаций в декабре, оставалось меньше года. При этом часть времени мы потеряли — итоги конкурса «Студенческие проектные научные коллективы» были

ленной схеме. Например, *схема*: «часть отделяется от целого — родственник “покидает” семью»; *варианты ее реализации*: «у сновидца выпадает зуб — умирает его брат», «у сновидца отваливается нога — умирает его отец», «разрушается крыша дома — сына сновидца забирают в тюрьму» и т.п. В рамках работы над проектом предполагалось описать и систематизировать в таком виде все доступные тексты, записанные за последнее столетие этнографами и фольклористами, а также собрать новые тексты и включить их описание в указатель. См. страницу проекта на сайте РГГУ: <<https://www.rsuh.ru/science/proektnye-nauchnye-kollektivy-rggu/sozdanie-syuzhetno-motivnogo-ukazatelya-folklornykh-rasskazov-o-snovideniyakh-na-vostochnoslavlyansko/>>.

объявлены в начале февраля 2020 г. (новость появлялась на сайте РГГУ, но мы ее не увидели), а письмо, информирующее о победе проекта в конкурсе, пришло мне только в первых числах марта, незадолго до введения режима самоизоляции.

В конечном счете пандемия не помешала большинству участниц собрать интересный для анализа материал (проводя интервью дистанционно, распространяя онлайн-анкету) и написать на его основе необходимое число публикаций¹. Однако их работа была сведена к подготовке собственных статей, вписывающихся в общую тематику и задачи проекта, которые мы обсуждали с каждой участницей индивидуально². Вероятно, если бы проект проходил в запланированном очном формате, наше взаимодействие строилось бы иначе.

Если попытаться сделать общий вывод из этого опыта, то у меня сложилось впечатление, что дистанционный формат никак не вредит индивидуальной работе со студентом, а вот групповое взаимодействие в онлайн-формат конвертируется хуже.

2

Проведение конференций в дистанционном режиме

Положительной стороной удаленной работы стало облегчение проведения конференций, особенно международных. В рамках нашего коллективного проекта были запланированы две конференции. Первая конференция «Создание сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о снах» состоялась 19 июня 2020 г. К этому моменту мы со студентами уже подготовили рубрику статей для «Живой старины», которая была опубликована в № 4 за 2020 г. Статьи студентов сводились преимущественно к публикации материала (фольклорных рассказов о снах), исследовательский комментарий к которому был пока небольшим. На конференции мы, с одной стороны, представили результаты этой работы, с другой — обсудили перспективы

¹ Так, Екатерина Краснова записала сюжеты снов, в которых умершие люди предстают в облике растений и животных, например в виде говорящего куста малины [Краснова 2020]. Софье Ковалевской удалось провести до начала пандемии несколько живых интервью среди российских мормонов, зафиксировав сюжеты снов, сопряженных с обрядом «крещения за умерших» [Ковалевская 2020]. Ольга Мещерякова провела дистанционное интервью с женщиной, в вещих сновидениях которой переплетаются образы массовой и традиционной культуры, например гадалка, которая крутит барабан из программы «Поле чудес», чтобы сделать предсказание сновидице [Мещерякова 2020]. Владислава Кишкина по-новому проанализировала мотив полета во сне, опираясь на тексты, опубликованные на интернет-форумах [Кишкина 2021]. Наиболее интересные нарративы о снах, собранные в ходе реализации проекта, были опубликованы в коллективных статьях [Кишкина и др. 2020; Лазарева и др. 2021].

² Ссылки на тексты, собранные студентами в марте 2020 г., я успела включить в указатель мотивов пророческих сновидений [Лазарева 2020: 187–231] (правда, без страниц, поскольку верстка № 4 «Живой старины» на момент возможности внести коррективы в рукопись еще не было). Так что работы участников проекта все-таки были учтены при разработке указателя.

дальнейшего изучения текстов¹. Организовать онлайн-конференцию было несложно, и, вдохновившись этой простотой, я захотела провести что-то большее, чем еще одну студенческую конференцию.

Появилась решимость реализовать замысел междисциплинарной конференции «Антропология сновидений», которая была задумана как встреча разных специалистов: антропологов, фольклористов, культурологов, литературоведов, лингвистов, философов, религиоведов, психологов с целью рассмотреть рассказы о снах с разных ракурсов. Поначалу я, наверное, только мечтала о таком масштабе и не слишком надеялась, что это удастся осуществить. В моем непосредственном окружении не было людей, занимавшихся изучением нарративов о сновидениях как культурного феномена. И я была вполне готова, что заявок может не поступить вообще. Помню, как искала сайты, на которых можно вывесить информацию о готовящейся конференции, и настолько увлеклась поиском потенциальных участников и слушателей конференции через Facebook, что за этот период количество моих друзей увеличилось примерно в десять раз. Увидев через пару недель после анонса первые тезисы, поданные через google-форму, я с облегчением выдохнула — во всяком случае, мы со студентами будем не одни.

Но чем быстрее приближался дедлайн приема заявок, тем больше их приходило. И вскоре я обнаружила, что, с одной стороны, нужно проводить довольно строгий отбор. С другой стороны, сроки проведения мероприятия нужно было увеличивать. Первоначально в планы входило провести конференцию в течение одного дня — 31 августа. В итоге мероприятие проходило три дня, причем программа конференции оказалась довольно плотной. Добавлю, что даты проведения конференции — последние три дня лета (29–31 августа) — были выбраны случайно. Наверное, логичнее было запланировать конференцию на осень, когда бы все вернулись в рабочий режим. Однако на тот момент администрацией университета было принято решение, что все мероприятия переносятся в онлайн-формат только до конца лета. На вопрос о том, можно ли будет официально провести онлайн-конференцию осенью (или нужно будет в срочном порядке переводить ее в очный формат), никто ответить не мог. В мае-июне 2020 г. еще казалось, что дистанционный формат конференций — это временная мера, которую университеты могут в любой момент отменить. А очная и дистанционная конференция — это разные форматы, они требуют разной

¹ Краткий отчет о конференции можно посмотреть на сайте РГГУ: <<https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=624545>>.

подготовки к мероприятию, и гораздо проще сразу запланировать конференцию либо как очную, либо как дистанционную, чем менять формат в последние дни перед мероприятием. Кроме того, по поводу возможности проведения очной конференции прогнозировать что-либо также было бессмысленно. На мой взгляд, именно эта ситуация неопределенности и неизвестности, когда невозможно что-то планировать, и стала самой сложной во время пандемии. С одной стороны, не раз очные конференции внезапно переводились в онлайн-формат из-за всплеска заболеваемости, а их иногородние участники были вынуждены сдавать купленные билеты на поезд. С другой стороны, в нашем случае не было уверенности и гарантий, что конференцию получится заблаговременно запланировать и официально провести в онлайн-формате (таким образом, чтобы она засчиталась при отчете по гранту). Из-за этого все происходило как-то судорожно, непродуманно: приходилось принимать быстрые и рискованные решения и осуществлять их в максимально короткие сроки. Так, мне до сих пор немного жаль, что сроки приема заявок для участия в конференции были очень сжатыми.

Тем не менее именно благодаря онлайн-формату конференции замысел собрать широкий круг специалистов удалось реализовать. Половина участников были из других городов и стран, и большинство из них вряд ли смогли бы приехать и очно представить свой доклад. Ежедневно к мероприятию подключалось около 100 участников — тоже из разных городов и стран. Впоследствии видеозапись конференции¹ набрала более полутора тысяч просмотров на YouTube (и их количество постоянно увеличивается). Такой аудитории и такого разнообразия поднятых проблем и исследовательских вопросов не могло бы быть, если бы конференция проводилась очно.

3

Я не думаю, что пандемия запустила какие-то принципиально новые процессы в организации научной работы и образования. Еще до пандемии в интернете появлялось множество образовательных платформ, онлайн-курсов, вебинаров, достаточно открыть YouTube, чтобы увидеть, сколько видеозаписей лекций там можно найти — на любой вкус и почти любой запрос. Скорее пандемия в буквальном смысле заставила наиболее консервативную структуру — университет — воспринять эти (уже давно не) «новшества».

Если говорить о дистанционном формате участия в конференциях, то на моей памяти и до пандемии на некоторых конфе-

¹ Видеозапись конференции «Антропология сновидений» (29–31 августа 2020 г.): <https://www.youtube.com/playlist?list=PL1vGQoKqzjDfQhyaFRgXJCXUmm_K4L-oY>.

ренциях велись видеотрансляции. Однако обычно докладчиков было очень плохо слышно, презентация вообще была не видна, слышать вопросы из зала тоже не получалось. Иначе говоря, заочное участие (в качестве слушателя, но не докладчика) было как бы возможно, но скорее номинально, запись транслировалась в таком качестве, что смотреть ее зачастую было бессмысленно. За последние два года я не могу вспомнить ни одной очной конференции, трансляция которой не велась бы в Zoom. Причем онлайн-слушателей часто подключается заметно больше, чем присутствующих очно. Еще один плюс в том, что по итогам конференций сохраняются видеозаписи докладов в достаточно хорошем качестве, во всяком случае все, что нужно для понимания доклада, слышно и видно. Думаю, что это однозначно можно назвать прогрессом.

Дистанционный формат занятий и конференций обычно преподносится как «вынужденная мера», часть «ограничений». Но во многих случаях онлайн-формат как раз снимает ограничения, давая возможность виртуально присутствовать на лекции или мероприятии, выступать с докладом в другом городе или стране, организовывать международную конференцию без серьезных финансовых вложений (как, например, оплата билетов и проживания иногородних участников). Поэтому, безусловно, хотелось бы, чтобы такая альтернатива в университетах всегда оставалась.

Библиография

- Кишкина В.А. Мотив полета во сне // Лазарева А.А. (сост., отв. ред.). Антропология сновидений. М.: РГГУ, 2021. С. 75–80.
- Кишкина В.А., Мещерякова О.В., Краснова Е.А. Материалы для сюжетно-мотивного указателя фольклорных рассказов о снах // Живая старина. 2020. № 4. С. 5–6.
- Ковалевская С.С. Обряд крещения умерших у членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и связанные с ним сновидения // Живая старина. 2020. № 4. С. 10–11.
- Краснова Е.А. «Будто кусты малины ее голосом говорят»: образы умерших в фольклорных рассказах о снах // Живая старина. 2020. № 4. С. 9–10.
- Лазарева А.А. Толкование сновидений в народной культуре. М.: РГГУ, 2020. 257 с.
- Лазарева А.А., Мещерякова О.В., Краснова Е.А., Кишкина В.А., Ковалевская С.С. Рассказы о пророческих снах: материалы онлайн-опроса // Лазарева А.А. (сост., отв. ред.). Антропология сновидений. М.: РГГУ, 2021. С. 44–67.
- Мещерякова О.В. «Этот мужчина стал превращаться в черта»: образы сновидений, предвещающие опасность // Живая старина. 2020. № 4. С. 6–8.

ЛИ ДЖИ ЫН

1

В Корее и до пандемии было распространено дистанционное обучение, например МООС (Massive Open Online Courses), К-МООС (Korean Massive Open Online Courses), КОСВ (Korea Open Course Ware). В мае 2007 г. был разработан план по созданию системы КОСВ (Korea Open Course Ware) — службы по использованию материалов для высшего образования, предоставляемая KERIS (Korea Education and Research Information Service) в связи с Open Course Ware (OER). Через КОСВ можно бесплатно пользоваться материалами лекций лучших корейских и зарубежных высших учебных заведений. Что касается К-МООС, то разработка и презентация базового плана были подготовлены к февралю 2015 г., в октябре 2015 г. в этой системе участвовали семь университетов, в 2019 г. — уже 116 университетов и были доступны 735 курсов, а количество посетителей насчитывало 12 054 483 человек, 1 168 288 человек записались курсы и занимались по ним.

Также в Корее есть киберуниверситеты. В 1996 г. в соответствии с третьим предложением Министерства образования о реформе образования была разработана экспериментальная политика управления виртуальными университетами. В 1998 г. стартовала программа реализации виртуального университета. Поправка к закону о непрерывном образовании в 2000 г. создала правовую базу для киберуниверситетов, и в марте 2001 г. был открыт первый в Республике Корея киберуниверситет. В 2008 г. он был зарегистрирован в качестве официального высшего образовательного учреждения, а с 2010 г. при киберуниверситетах осуществляются программы послевузовского обучения. Таким образом, дистанционное вузовское образование в Корее прошло апробацию до пандемии, но для большинства существующих университетов было все же непривычно.

Ли Джи Ын (Lee Ji Eun)

Азиатско-Тихоокеанский секретариат Организации городов мирового наследия, Кёнджу, Республика Корея
jjeunjohanna@naver.com

Первый подтвержденный пациент с COVID-19 в Корее был китайцем, который прибыл в Корею 19 января 2020 г., распространение эпидемии началось в январе. Так как в Корее учебный год начинается 2 марта и заканчивается в начале декабря, на начальном этапе распространения COVID-19 все преподаватели и студенты были на каникулах. Министерство образования Кореи рекомендовало университетам перейти на дистанционный режим в весеннем семестре. 75 % университетов проводили занятия только в удаленном режиме, а остальные — в смешанной форме. Кроме учебных заведений, все продолжали заниматься своими делами, только старались не ездить за границу, изменился также рабочий режим некоторых заведений: кафе, рестораны, спортивные залы работали до 21 или 22 часов. То есть у университетов не было необходимости переводить все занятия на удаленный режим, они сами решали, проводить ли их дистанционно полностью или частично, и ограничили количество студентов в группах.

Дистанционные занятия в большинстве университетов делятся на проведенные в реальном времени и уроки по записи. Для дистанционных занятий в реальном времени использовали такие платформы, как Zoom, Google Hangouts, Webex. Для занятий по записи преподаватели сами снимали видео и загружали в систему своего вуза. С осеннего семестра 2020 г. большинство университетов проводили занятия в смешанном режиме, так называемый *blended learning*, который совмещает обучение лицом к лицу и онлайн-обучение. Смешанное обучение предполагает элементы самостоятельного контроля студентом образовательного маршрута, времени, места и темпа обучения, а также интеграцию опыта обучения с преподавателем и онлайн.

2

Дистанционное обучение, проводимое для противодействия пандемии, предоставило разнообразные возможности как преподавателям, так и учащимся с точки зрения отсутствия ограничений на местах и возможности использования различных методов в зависимости от предмета. Тем не менее когда учащийся сталкивался с трудностями, у него было ограничено физическое общение, в процессе которого он бы смог поделиться проблемами с профессорами или близкими друзьями и попросить помощи.

Вначале не было разработанных инструкций, руководства по методам тестирования, распределению баллов и системе оценки. В корейских университетах проводится система сравнительной оценки, т.е. менее 30 % студентов могут получить А, следующие 30 % — В, а остальные — С, D и F соответственно. Система позволяет дифференцировать студентов по успевае-

мости. Однако из-за проведения занятий и экзаменов дистанционно трудно было проверить знания студентов, и в итоге было много жалоб и возражений с их стороны.

В нескольких опросах выяснилось, что использование дополнительных материалов и программ в удаленных условиях повышает удовлетворенность студентов. Кроме того, удовлетворенность тем выше, чем активнее реакция преподавателей и других участников образовательного процесса на комментарии учащегося. Обычно считается, что в дистанционных занятиях общение студентов и профессоров затруднено. Но из-за специфики корейского общества учащийся, как правило, не хочет вставать перед другими и задавать вопросы публично, студенты стесняются обсуждать темы и дискутировать во время урока. Однако молодежь активно участвует в дискуссиях в интернете, поэтому возникло такое понятие, как «клавишный воин» (keyboard warrior). То есть, не показывая свое лицо и сидя перед компьютером, учащиеся активно пишут свои мнения и комментарии, задают вопросы и делают предложения. Можно наблюдать, что студенты активнее задают вопросы или отвечают на них, оставляя комментарии в чатах, чем во время занятий.

Что же касается проведения конференций, то обычно в Корее, когда приглашают докладчиков, все расходы, в частности перелет, проживание, питание и прочее, берет на себя приглашающая сторона. Так как из-за пандемии расходы организаторов резко снизились (нет печатного варианта тезисов, нет расходов на проезд и проживание), появляется возможность пригласить больше специалистов либо организовать больше конференций. Однако растут требования к техническим условиям организации мероприятий и соответственно риски в организации конференций.

3

Изоляция позволила развить технологии в науке и образовании. До пандемии мы применяли новые технологии в гуманитарных и социальных науках лишь частично. Но пандемия испытала наше общество и его системы на гибкость. И мы почувствовали, как тесен мир. Сейчас в Корее наблюдается такая тенденция: большинство конференций и мероприятий проводятся гибридно, т.е. участников собирают физически и одновременно проводят трансляцию. Нет территориального барьера для участия, и в конференцию можно включиться, сидя за компьютером или планшетом. Получение информации и обмен мнениями стали более эффективны. Но мы не роботы, нам важно эмоциональное общение, не хватает человеческой теплоты, душевного и дружеского отношения. Я считаю, что для действительного взаимопонимания необходимо общение лицом к лицу.

4

Корея имеет небольшую территорию и высокую плотность населения. Площадь страны составляет 100 210 км², а население по оценке 2021 г. — около 51 млн 630 тыс. человек. На 1 км² в среднем живет 516,2 чел. Также очень развита транспортная система, поэтому риск эпидемии очень высок, отсюда такая острая реакция на ее угрозы.

В корейском обществе есть проблема критики инфицированных, их осуждения, отношения к ним в сугубо негативном ключе и обращения с ними как с преступниками. Люди с подтвержденным диагнозом COVID-19, а также те, кто тесно контактировал с ними, заявили, что страдают от серьезного стресса из-за «короны» в обществе. Особенно необоснованные обвинения характерны для онлайн-сообществ. Заболевший человек с ковидом становится «преступником» за один день. И даже возвращаясь в повседневную жизнь после того как был поставлен диагноз COVID-19, он остается «преступником». Дело не только в эпидемии, проблема в том, что в Корее слабое взаимопонимание. Например, если человек допустил ошибку, то остальные считают, что «он — такой человек», не относятся к нему с пониманием и не дают шанса исправиться. Сейчас в Корее мы рассуждаем, почему пациент с ковидом становится грешником и почему общество не принимает его. В сфере культурной антропологии и социологии ставится вопрос, как восстановить прежнее отношение к заболевшему человеку.

Также обсуждается проблема, связанная с неравенством. Нет разногласий в том, что для предотвращения инфекционных заболеваний необходимо отказаться от длительного пребывания в плотном пространстве. Однако в Корее запрет на концентрацию и ограничение продаж относятся только к мелким предпринимателям. Владеющие малым бизнесом, т.е. те, кто имеет свой магазин, в большинстве являются слабым звеном экономики Кореи. Многие из них после вынужденного увольнения из фирмы берут банковские кредиты и открывают магазин, кафе, ресторан и т.п.

Во время пандемии Корея не вводила локдаун, и жизнь продолжалась, было лишь ограничение рабочего времени для малого бизнеса, в отличие от супермаркетов и универмагов, которым было разрешено работать до полуночи. Такие заведения, как кафе, рестораны, бары, спортивные залы, должны закрываться в 21.00. Это сразу отразилось на доходах малого бизнеса и привело к неравенству доходов и дискриминации. В Корее люди шутят: «В крупных магазинах и общественном транспорте вирус не распространяется, а только в малых заведениях и только после 9 часов вечера».

Таким образом, инфекционные заболевания дали нам возможность посмотреть на социальные проблемы, на которые раньше мы не обращали внимания и которые даже не замечали. Из-за пандемии мы осознаем проблему непонимания, дискриминации, искаженной оценки людей, а также другие проблемы, которые скрыты в корейском обществе. Теперь нам нужно диагностировать и рассмотреть проблему с культурной точки зрения, чтобы понять, как преодолеть недостаток человечности и дискриминацию в корейском обществе.

АЛЕКСАНДРА ПИИР, НИКОЛАЙ ВАХТИН

Разговоры о ковиде

Ковид настолько прочно вошел в нашу жизнь, что мы постоянно заговариваем о нем. Кто-то из нас тревожится по этому поводу больше, кто-то меньше. Одни считают, что пандемия скоро кончится и все пойдет по-прежнему, другие, напротив, думают, что она изменила нашу жизнь окончательно и бесповоротно. Мы делимся своими переживаниями с родными и друзьями, пытаемся поддержать и вселить надежду в своих близких и самих себя...

Один такой домашний разговор мы решили представить вниманию читателей «АФ», сделать наш «мини-форум» частью большого «Форума», посвященного ковиду.

Александра Пиир: Мне кажется, что реплики в наш «Форум» про ковид будут сильно отличаться от повседневных разговоров. Мы буднично сетуем на изменившуюся жизнь, но, высказываясь публично, пытаемся избежать банальностей, тут нам милее парадоксы. И мы обязательно найдем немало пользы в том, что в нашу жизнь явилась та или иная пакость.

Николай Вахтин: Да, наверное, наше стремление к парадоксам никуда не девается. Но не очень понятно все-таки, что хорошего принесла эта конкретная дрянь в нашу жизнь и что такого парадоксального можно написать.

Александра Михайловна Пиир

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
alexandra.piir@gmail.com

Николай Борисович Вахтин

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
nvakhtin@gmail.com

АП: Вообще, если говорить о профессиональной деятельности, мне она ничего слишком плохого не принесла. Работать я привыкла дома. Правда, в библиотеки и архивы периодически не пускали, но это продолжалось недолго. Зато там стало совсем мало народу — работай себе в тиши и безопасности. С конференциями и семинарами, конечно, хуже: приходится меньше видиться и общаться с коллегами. Но не всю же пандемию мы просидели в онлайн. А если говорить не только о прошедших двух годах, но и о перспективе, то жизнь выглядит не так печально. Ковид закончится, а всяческие новшества останутся — что ж тут плохого?

НВ: Ну это, возможно, потому, что тебе не приходится преподавать. Главная беда ковида и этой изоляции в том, что и студенты привыкли к вполне щадящему режиму обучения, да в общем и профессора могут, даже когда с медицинской точки зрения это необязательно, пользоваться возможностью остаться дома. Так, знаешь, толком даже не одеваться и не умываться, не тратить времени на дорогу, а просто посидеть перед экраном, что-нибудь такое рассказать. Но это очень малопродуктивно. Ведь даже в аудитории, когда ты что-то говоришь, непонятно, слушают тебя или нет, потому что все сидят, уткнувшись в экраны. Но когда они еще и присутствуют в виде черных квадратиков — да пусть и с видео, все равно — ты не понимаешь, что сейчас делает этот человек. И у студента тоже огромное искушение заглянуть в почту, посмотреть «Фейсбук», еще куда-нибудь залезть, а то и, глядишь, что-нибудь постороннее во время лекции почитать или пописать, еще что-нибудь поделать. Вроде как они и на лекции, а вроде как и нет. И зачем им что-то объяснять, если они все равно другим заняты?

АП: А ты не думаешь, что комфортное преподавание и общение онлайн просто дело привычки и технического обеспечения? Взять, к примеру, опыт Европейского университета весной 2020 г. Мы перешли на удаленную форму обучения, как только она стала обязательна, быстрее и легче других учебных заведений. Тогда многие долго не могли совладать с новой ситуацией, а в ЕУ все было прекрасно организовано благодаря техническому обеспечению и опыту проведения конференций и семинаров по «Скайпу».

Зато теперь мне кажется, что в изменившихся условиях как раз технических возможностей для полноценного научного процесса (преподавания, взаимодействия, исследования) уже не хватает. За два года появились новые потребности, под которые необходимо подстроить тот же Zoom и другие платформы. Например, в мае в Петербурге грядет конгресс IUAES, а год назад проводили российский Конгресс антропологов и этнологов.

Всякий раз на КАЭР раздаются стоны участников: множество секций, идущих параллельно в разных зданиях, не позволяют попасть на разные интересные доклады и обсуждения. А теперь еще и ковид с проверкой QR-кодов. Зато какая замечательная возможность организовать участие онлайн, с простой навигацией по секциям, чтобы каждый, где бы он ни находился, мог видеть меняющееся расписание в реальном времени (оно всегда меняется — кто-то затянул доклад, кто-то опоздал, кто-то не приехал), чтобы быстро найти и переключиться на то выступление, которое он прямо сейчас хочет услышать.

И в полевой работе могут появиться полезные новшества. Мы давно не ездим в долгое поле и часто пропускаем события, которые нельзя предвидеть заранее, чтобы запланировать экспедицию. Представь, что, уезжая, ты оставляешь информанту-проводнику электронный глаз и электронное ухо и просишь: «Будь добр, если поймаете кита и станете его разделять, если случится вендетта, если рак на горе свиснет или еще что интересное произойдет — подними мне веки и навести уши». И твой добрый информант поможет тебе виртуально оказаться в нужное время в нужном месте.

С обучением тоже очевидно: не у всех есть возможность, материальная и не только, поехать учиться туда, где хотелось бы. У меня ощущение, что мы находимся в самом начале серьезных изменений формата обучения, на пороге появления каких-то новых возможностей. Может быть, спустя лет пятьдесят кто-нибудь скажет про них: «Это появилось в начале двадцатых годов, когда была пандемия». — «Какая пандемия? — спросит его будущий студент. — Неужели наша система образования существует так недавно? Неужели кто-то еще может помнить, как было раньше?»

Однако пока наши технические средства не поспевают за вызовами времени. И я подозреваю, что в этом году Конгресс не будет организован так, как я мечтаю. Но когда изменения наконец подспеют, а пандемия потихоньку сойдет на нет, нас, возможно, ждет прекрасный новый мир.

НВ: Вот этого я и боюсь. Потому что этот прекрасный новый мир, несомненно, не стоит на технических достижениях и совершенствах. Техника, которая у нас сейчас есть, уже далеко опережает психологические возможности человека. Человеческая психика была опытом многих поколений приучена, приспособлена к некому модусу существования в той же науке, в высшем образовании. Я не думаю, что простое развитие техники без какого-то специального изменения человеческой психики даст нам прекрасный новый мир. Потому что слово, которого мне явно не хватает сейчас, — это слово «самодисциплина».

Для того чтобы жить в новом прекрасном онлайн-мире, для того чтобы учиться в нем, преподавать в нем, «ходить» на конференции, делать доклады, заниматься научными исследованиями, нужна гораздо более высокая степень самодисциплины, чем та, которая существует в окружающем нас научном или вузовском сообществе. Люди ленивы. Ленивы преподаватели, ленивы студенты. Если можно отвлечься, ты отвлечешься. Если можно сделать вид, что ты учишься (или учишь), а на самом деле заниматься своими делами, и тебе за это не влетит, то так люди обычно и поступают. Исключения есть, но они довольно редки. Поэтому — да, наверное, такое обучение онлайн приведет ровно к тому, о чем ты говоришь: лет через пятьдесят какой-нибудь обучившийся таким способом студент спросит: «А что такое пандемия?» Я боюсь, что это будет студент-историк.

АП: [*смеется*] Мне кажется, что эти страхи свойственны именно нам. Ведь мы росли и учились в советское время, когда все вокруг ежедневно шли на работу к одному и тому же времени и так же возвращались. Жизнь большинства людей была жестко организована и задана рабочим графиком. Сейчас появилось множество фрилансеров, чаще молодых, которые должны быть внутренне дисциплинированы. Нас в их возрасте дисциплинировало государство. В этом отношении мир уже изменился, и я подозреваю, что среди молодого поколения гораздо больше самоорганизованных людей, чем среди нас.

НВ: Никак не могу согласиться с тем, что среди молодых людей больше самоорганизованных и самодисциплинированных. Я этого совсем не вижу, категорически не вижу. Вижу, наоборот, резкое усиление культа слабости, резкое увеличение популярности всяческих «снежинок», стремление потакать своим и чужим слабостям... И думаю, что это связано именно со сменой «субъекта дисциплинирования». Ты совершенно правильно говоришь, что раньше нас дисциплинировало государство, а потом оно куда-то делось, и пришлось самим этим заниматься, что очень трудно. Это требует особых черт характера, специальных навыков, специального тренинга, для того чтобы заставить себя работать дисциплинированно, ритмично и регулярно, ежедневно, систематически, работать по графику, который даже пусть отчасти ты сам себе составил, а отчасти он вынужденный, потому что есть не зависящие от тебя дедлайны. Это очень непросто. Поэтому я и не думаю, что нынешнее поколение в этом смысле отличается от нашего. Да, наука меняется, но она меняется существенно медленнее, чем всякого рода гаджеты и технические возможности. Поэтому, оттого что у нас появились новые технические возможности, содержание работы по большому счету не изменится. Изменится скорость, изменится легкость, но суть-то останется та же самая.

Несомненно, ковид подарил нам новые возможности участия в конференциях, заседаниях, встречах в разных городах без необходимости туда ехать. Это очень хорошо. Но вместе с тем ковид лишает нас того самого общения, без которого нет никакой научной среды и нет никакого образования. Потому что настоящее образование (во всяком случае в магистратуре, хотя я думаю, что и раньше) и настоящая наука — это общение. Это общение в том числе в курилке, за кофе, где угодно. И то, что мы сейчас лишены этого общения, то, что мы всё видим через экран (через экран преподаем, через экран занимаемся исследованиями, через экран пишем, через экран отдыхаем, через экран смотрим кино, через экран играем в настольные игры — мы всё теперь делаем через экран), это, мне кажется, огромная потеря. Хотя, может, действительно, это наше будущее, и brave new world, который нас ожидает впереди, такой и будет. Но мне жалко.

АП: На самом деле жизнь, когда все было через экран, продолжалась, если я не ошибаюсь, два с половиной месяца — весной двадцатого года. Потом формат стал смешанным: к прежнему добавился онлайн. И если мы захотим, в недалеком будущем ничто не помешает нам вернуться к привычной форме общения и работы. Не век же быть коронавирусу.

НВ: Так вот я об этом и говорю. Не удастся вернуться обратно к этой привычной форме общения.

АП: Почему же не удастся?

НВ: А ты не замечаешь вздоха облегчения? Такой подавленный вздох облегчения, когда вдруг оказывается, что какая-то конференция будет транслироваться в Zoom'e. И ты не замечаешь вздоха разочарования, когда кто-то говорит, что на этот семинар можно прийти только очно? Ведь мы привыкли к этому за два года. Мы привыкли к тому, что можно и не ходить, можно и дома посидеть. И тем не менее будет считаться, что ты все равно участвуешь. Но это ведь только считается, что ты участвуешь, это же только кажимость, а не реальность. А реально тебя там нет. Реально ты не сидишь в аудитории, ты не видишь лиц людей, ты не слышишь их вздохов, потому что они отключили микрофоны, ты не понимаешь их реакции, даже если ты в публице. А тем более если ты «сидишь» за преподавательским столом. Мы привыкли к этому, это очень комфортное состояние. И вот это меня немного пугает.

АП: Да, если говорить о преподавателе и студентах, которые записаны на его курс и живут в одном городе, ты прав — жаль, если они не приходят, а по какой-то причине подключаются онлайн. Но когда речь идет о научных семинарах, докладах, конференциях, вздох облегчения может исходить от людей, которые в про-

тивном случае не имели бы возможности в них участвовать. Они живут в другом месте, они в эти часы работают или сидят дома с детьми. Наконец, им может просто не хватать времени на семинар вместе с дорогой. Мне кажется, что такая форма просто дает больше возможностей и обеспечивает разные варианты участия. И что мы постепенно ей научаемся. Когда онлайн-семинары только начались, я с некоторым трепетом подавала голос и с еще большим трепетом отваживалась выступить. Мои первые переживания были обратными: не подозрение, что участники за черными квадратиками отключились, а страх, что там бездна слушающих и я не представляю, перед кем говорю. Постепенно я освоилась и перестала бояться, хотя живых лиц мне по-прежнему не хватает. Пусть остаются обычные семинары и лекции, но хорошо бы участие в них было доступно большему числу людей. Возможно, со временем технические устройства позволят нам видеть аудиторию с разных сторон и даже слышать под ухом сопение специально выбранного соседа.

НВ: Меня не оставляет ощущение, что такого рода участие в конференциях и семинарах — это все равно суррогат. Да, наверное, это лучше, чем отсутствие участия. Да, если у человека не было бы возможности подключиться онлайн, он бы не услышал ничего и не узнал. Но ведь часто бывает, что семинар закончился, а ведущий говорит: «Мы Zoom отключать не будем, кто хочет еще поболтать, может остаться». Это значит, что ведущий чувствует потребность участников «остаться и поболтать», он понимает, что им этого не хватает. Хотя на самом деле после онлайн-семинаров мало кто остается... Ты же помнишь эти прекрасные бесконечные крики после настоящего, «очного» семинара, когда собирается толпа тех, кому было действительно интересно то, что там обсуждалось. Толпа может состоять из трех человек или из пяти. Или из двух, а остальные встают в кружок и слушают. Двое ругаются и кричат друг на друга, а окружающие вставляют реплики. Это на самом деле важнейшая составляющая любого научного общения.

Наверное, я не погрешу против истины, если скажу, что лучшие идеи, которые я придумал в своей жизни, я придумал отнюдь не сидя и грызя карандаш за письменным столом, а стоя с коллегами в курилке и обсуждая какие-то идеи, высказанные тут же или раньше, на каком-нибудь семинаре или где-то еще, такие брошенные вскользь фразы. Мне именно там приходили в голову идеи, и не только мне. Для того чтобы научное общение было полноценным, оно должно быть очным, личным и по возможности неформальным. Такое общение обязательно должно быть, если у тебя есть возможность присутствовать — присутствовать, а не прятаться за черненьким квадратиком и делать вид, что ты участвуешь в обсуждении и что ты якобы от этого что-то полу-

чил. А для этого, еще раз скажу, нужна очень высокая степень самодисциплины. Потому что пока этого нет, я боюсь, что так и будет, как на той недавней конференции в Москве, откуда мне сначала прислали очень интонационно красноречивый вопрос: «НБ, а Вы уверены, что будете очно участвовать? Может быть, Вы по Zoom'у подключитесь?» Я написал, что да, я буду участвовать очно. Через некоторое время мне написали: «Тогда нам нужно покупать Вам билеты и заказывать гостиницу». Я ответил: «Билеты я уже купил и гостиницу заказал. Спасибо, мне ничего от вас не надо». И последним был уже крик отчаяния: «Но Вам понадобится QR-код, и мне он нужен прямо сейчас!» Я сразу прислал QR-код, но ощущение, что на том конце мечтают, чтобы вся эта конференция не состоялась очно, а прошла в Zoom'e, у меня было очень сильное. Я вот этого боюсь.

АП: Так и я за курилки и рюмочные и считаю, что все лучшее происходит, конечно же, там. (Даже несмотря на то что ко мне-то идеи приходят, только когда я за столом и с карандашом в зубах.) Но если, как ты говоришь, в научном отношении люди получают гораздо больше от очного и неформального общения, то прежний формат никуда не денется. В таком случае те, кто из-за лени предпочтет коммуникацию онлайн и не будет дисциплинирован, просто выпадут из научной жизни. Вероятно, они найдут себе такую сферу, где их будут дисциплинировать извне. Другие получают преимущество и останутся в науке. Получается, что жизнь всех распределит, и среди ученых восторжествует очное общение. Если ты прав. А если нет, то кому-то общение онлайн не мешает стать выдающимся исследователем и написать то, что мы, офлайнеры, будем потом с восторгом читать. И мечтать, что автор когда-нибудь появится среди нас, мы сможем увидеть его не через экран и услышать его сопение.

НВ: Боюсь, это очень идеализированный взгляд на жизнь — что история все расставит по своим местам и что те, кто по-настоящему работает, останутся в науке, а всякие «онлайнеры» из науки выпадут и уйдут делать что-нибудь в каком-нибудь офисе. Это очень идеализированный взгляд. Как раз останутся-то те, кто наиболее агрессивен, наиболее активен, во всяком случае в ближайшие тридцать лет. Дальше, конечно, история всех расставит по местам, но нам это уже будет неинтересно. Нам интересно все-таки сейчас. Потому что никогда такого не было, чтобы те, кто хорошо, правильно, ответственно и дисциплинированно учится, чтобы все они оказались в науке. А те, которые учатся плохо и ходят на условный марксизм-ленинизм, они в науке не остались. Все бывает наоборот. Но это к слову.

А вот что еще меня всегда удивляло: как быстро язык начал подтверждать то, что я говорю. Что слово *онлайн* чем дальше,

тем больше становится нормой. *Онлайн* — это значит, что ты на линии, это норма, а *офлайн* — это ты с нее слетел, это исключение. Ты какой-то неправильный, ты “off”. И поэтому я стараюсь не говорить «офлайн», а говорить «очно». Все-таки «очно» и «заочно» оставляют мне какую-то надежду, что «очно» — это все-таки норма, а «заочно» — это все-таки исключение. Если мы привыкнем к словосочетаниям «онлайн» и «офлайн», то наше дело проиграно. Ну мое по крайней мере.

АП: Нечего отделяться, проигрывать будем вместе и очно. А проиграв, уедем на дачу. Будем ходить в виртуальные библиотеки и поля, гулять по натуральным лесам и полям. Писать через экран, читать на бумаге. Встречаться с коллегами, учениками и друзьями в Zoom’е и принимать их у себя. Не такой уж плохой проигрыш...

АННА ТЕМКИНА, ДАРЬЯ ЛИТВИНА

Эффекты пандемии начали ощущаться в России довольно быстро, уже весной 2020 г. Вопросы личной безопасности и организации работы медицинских учреждений вышли на первый план: не хватало средств индивидуальной защиты, ощущался дефицит знаний об особенностях течения и лечения коронавируса, новостной поток был заполнен рассказами о заболевших и умерших в России и во всем мире. Одной из наших задач как исследователей в это время стало изучение опыта медицинских сотрудников, находившихся на передовой, как в «красных зонах», так и в условно «чистых» стационарах. В рамках инициативного проекта мы собрали 54 интервью с врачами, медицинскими сестрами и руководителями медицинских учреждений¹, которые открыто и достаточно эмоционально рассказывали нам о своей работе, ее сложностях, отношениях с пациентами и друг с другом. Система, по их словам, была очень плохо подготовлена к чрезвычайной ситуации, ей не хватало гибкости для быстрой перестройки, страдали и медики, и граждане: риски дополнительно

Анна Адриановна Темкина

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
temkina@eu.spb.ru

Дарья Александровна Литвина

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
litvina.darya@gmail.com

¹ Проект «Медицина и профессионалы в условиях эпидемии COVID-19: противоречия, новые правила и стратегии» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, рук. Екатерина Бороздина).

росли из-за бюрократических препон. Рассказать об их опыте нам как социологам казалось необходимым и правильным. Сами медики были заинтересованы в том, чтобы увидеть картину целиком, и хотели читать и слушать о результатах наших исследований. Работа над социологическим осмыслением этого материала продолжается и сейчас.

Как социологов нас интересовали и другие процессы, которые не были непосредственно связаны с медициной как институтом и здоровьем людей в период эпидемии. Весной 2020 г. мы обратили внимание на усиление нарративизации индивидуальных опытов и переживаний — многие коллеги (и мы сами) начали вести дневники, писать длинные посты в социальных сетях, интенсивно обсуждать изменения в профессии и организации повседневной жизни. Повседневность стремительно менялась, и люди пытались ее осмыслить, освоить и к ней приспособиться.

Незадолго до первого локдауна (28 марта 2020 г.) мы запустили проект под названием «Вирусные дневники: хроники повседневности»¹. Идея заключалась в том, чтобы собрать письменные свидетельства происходящего, которые создают исследователи и преподаватели социальных и гуманитарных наук. В проекте не был задан узкий фокус и жесткие правила — участники записывали то, что сами считали нужным. Всего в нем приняли участие 34 русскоязычных академических сотрудника из десяти стран (Россия, Австралия, Азербайджан, Армения, Грузия, Германия, США, Франция, Финляндия, Швеция). Среди людей, которые откликнулись на наше приглашение принять участие в исследовании, — 8 мужчин и 26 женщин разных профессиональных статусов (от аспирантов до профессоров) и с разной специализацией (в основном социология, но также филология, филология, антропология и др.).

Мы предложили им в свободной форме записывать свои наблюдения, эмоции и рефлексии. Проект проходил в пять этапов. Первые четыре — с 25 марта по 10 июня 2020 г. За это время было собрано более 1600 страниц авторских текстов, которые по жанру являются одновременно и личными, и дневниковыми, и исследовательскими. В общем виде в них затрагиваются такие темы, как глобальные и повседневные вызовы, физические и символические изменения пространства и времени, изменения поведения и взаимодействий людей в городе, реорганизация профессиональной и повседневной жизни, новые телесные практики, эмоции.

¹ В настоящий момент вышли следующие публикации по теме проекта: о рефлексивности и уязвимости привилегированной группы в период пандемии [Litvina, Temkina 2021], о доверии [Тартаковская 2021] и о социальном бездействии [Холявин 2020].

Помимо наблюдений за происходящим в период пандемии, авторы постоянно затрагивают академическое сообщество в целом — его практики, ценности, устройство. В большинстве своем участники проекта (включая нас самих) занимали и занимают привилегированную — в социальном и культурном смысле — позицию (мы не утратили свой статус, не ощутили острый дефицит финансов и смогли дистанционно работать в безопасной домашней обстановке). Однако в записях присутствуют описания больших сложностей, связанных с работой: многие исследователи выражали сильные моральные эмоции (вину, стыд) не только по поводу несоблюдения некоторых правил безопасности, но и по поводу спада производительности, невозможности сосредоточиться и быть эффективными в использовании времени и ресурсов. Пытаясь разобраться с причинами эмоционализации и стремления к нарративизации опыта, мы пришли к выводу, что важную роль в этом процессе играют трансформации времени и пространства во время периода самоизоляции.

Темпоральность изменилась, мы оказались в «безвременье» (именно так авторы описывали свое состояние в первые месяцы пандемии и карантина), где время то мчится с невероятной скоростью, то тянется бесконечно долго. Дни, по их словам, то сливались в один бесконечный поток, то заканчивались быстрее, чем они успевали что-либо сделать. Если раньше работа была упорядочена благодаря тому, что задачи были распределены в пространстве и времени, то весной 2020 г. всё стало происходить «здесь и сейчас». Виды деятельности, которые раньше не вступали в соревнование друг с другом, теперь столкнулись — онлайн-преподавание, полевая работа, забота о близких и работа по дому заявляли о себе в буквальном смысле в одно и то же время. Собрание во время приготовления обеда или присмотр за ребенком во время выступления на конференции быстро превратились в рутину, однако продолжали вызывать напряжение. Четко расставить приоритеты или развести задачи по разным временным слотам и разным пространствам не представлялось возможным.

Рабочий ритм интенсифицировался, так же как и работа по дому (особенно для женщин в семьях с детьми в период закрытия школ и детских садов). В результате складывалось ощущение, что продуктивность снижается, нам не удается преуспеть ни в домашних делах, ни в работе — все делалось недостаточно эффективно и результативно. Многозадачность и отсутствие четких границ между заботой и работой приводили к усталости и ощущению, что мы находимся в бесконечной гонке, которую при этом заведомо проигрываем. Время, которое, как нам казалось, мы «сэкономили» на поездках на работу,

не становилось ресурсом, наоборот, оно «утекало» и исчезало. Рабочий ритм ускорился, тогда как субъективно мы ощущали, что, возможно, отстаем от других. Кроме того, нам казалось, что возникают новые уникальные возможности (благодаря многочисленным «зумам»), которые нужно было совместить с уже имеющимися задачами.

При этом мы утратили те ориентиры, на которые незаметным образом полагались ранее, когда постоянно общались с коллегами на публичных семинарах, конференциях, в университетском коридоре и кафе, где узнавали новости и «сплетни», благодаря которым могли представлять текущую конфигурацию академической среды. Когда осенью 2021 г. мы дополнительно провели серию интервью с участниками, то выяснили, что идеи чаще всего рождаются в неформальном академическом обсуждении и неформальной академической среде — эту возможность мы во многом потеряли весной 2020 г. Тогда неформальная коммуникация оказалась ограничена самыми близкими коллегами, а более расширенные встречи предполагали строгий регламент и обсуждение по повестке — времени и пространства на неформальность почти не оставалось.

В попытках сориентироваться в ситуации и выстроить графики мы вступали в бесконечные переговоры с членами семьи и коллегами. Количество онлайн-собраний и переписка в социальных сетях многократно возросло. Время одновременно затормозилось и ускорилось. Усиление коммуникации в онлайн-чатах и социальных сетях отчасти помогало синхронизировать время в этой «вневременной» ситуации. Однако вместо ощущения того, что график стал гибким и управляемым с помощью технологий, компенсирующих недостаток живого общения в условиях самоизоляции, наши собеседники сообщали об обратном: они были перегружены постоянными онлайн-мероприятиями, обменом сообщениями в чатах, работой 24/7, докладами на конференциях в ночное время (когда это рабочее время в другом часовом поясе) и т.д. И все это происходило в одном и том же пространстве, где проживали исследователи и их семьи.

Проблематизация темпоральных и пространственных ориентиров способствовала постоянной рефлексии. Многие писали о чувствах тревоги, вины и стыда, которые возникали из-за нарушения эпидемиологических правил, «непродуктивности» в работе, невозможности уделять ей эксклюзивное время, но и о недостаточности осуществляемой заботы. В попытках справиться с этими ощущениями мы стали работать еще больше, участвовать в бесконечных вебинарах, организовывать новые проекты — как будто бежать еще быстрее, но оставаться на одном месте, как говорили участники. Мы должны быть про-

дуктивными, дисциплинированными и контролировать обстоятельства (в том числе время и пространство), но нам это не удавалось. Потеря самоконтроля и (субъективно переживаемое) снижение академической продуктивности бросили вызов нашей субъективности — мы не знаем, кто мы, без нашей продуктивности, оценки со стороны других и постоянной коммуникации с ними. Мы были сбиты с толку и пытались дисциплинировать себя, но недостаточно преуспевали (зимой 2021 г. в интервью мы зафиксировали относительное восстановление, даже увеличение, эффективности).

Наша гипотеза состоит в том, что неолиберальный “self” академических сотрудников, ориентированный на самодисциплину и продуктивность, создается посредством нормативной (само) оценки, сопоставления с референтной профессиональной группой (группами) и постоянной коммуникации с ней. Неформальная коммуникация служит ключом к пониманию собственных позиций, ресурсом и поддержкой. Без живой реакции сообщества произвести оценку своей работы оказывается проблематично. Когда правила меняются, смещаются координаты времени и пространства, а коммуникация прерывается, это начинает угрожать нашей профессиональной идентичности. Первые месяцы пандемии дали возможность ощутить эти значимые для академических сотрудников системы референций.

В начале лета 2020 г. у участников проекта «Вирусные дневники» потребность в нарративизации своего опыта стала угасать. Люди писали нам, что были бы рады вновь включиться в проект, но в их жизни «не происходит ничего нового». Они (мы) уже привыкли к реорганизованному времени / пространству, снижению мобильности, онлайн-интервьюированию, координации через чаты, работе с теми, кого мы никогда не встречали лично, и не видеть лиц студентов и проводить собрания у плиты или с ребенком на груди.

Для социальных наук пандемия оказалась не только возможностью посмотреть на институты и процессы в ситуации поломки, но и поводом отрефлексировать собственное устройство, описать формирование новой академической рутины. В последнюю волну «вирусных дневников» осенью 2020 г. мы уже могли вполне ее различить — эмоции и практики были достаточно рутинизированы. Вопрос нового этапа — какие изменения останутся в академии после того, как пандемия закончится? Проведенные нами качественные интервью 2021 г. показывают, что профессиональные стратегии стали более индивидуализированными, а ценность (во многом утраченной) академической мобильности и неформального офлайн-общения осознается как очень существенная. Тем не менее многие хотели бы сохранить

часть практик, навыки которых мы обрели в пандемию, например оставить в онлайн-формате чтение лекций потоку студентов или административные собрания.

Библиография

- Тартаковская И.Н.* Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. № 2. С. 68–89.
- Холявин А.О.* Социальное бездействие на ранних этапах пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 139–148. doi: 10.31857/S013216250010722-7.
- Litvina D., Temkina A.* The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of the Privileged Group at the Start of Pandemic // The Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 43–65. doi: 10.17323/1728-192x-2021-4-43-65.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

«МИР БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ»

Коллега, которой мы предложили ответить на вопросы «Форума», промучившись пару недель, написала, что ничего оригинального придумать не может, в голову лезут одни банальности. Как быстро исключительные обстоятельства, вошедшие в нашу жизнь всего два года назад, стали восприниматься как банальные...

Тем более в непростой ситуации оказываются пишущие заключение к этому «Форуму»: все уже сказано, и у каждого читателя, несомненно, найдутся случаи из собственного опыта, подтверждающие написанное.

Первое, что бросается в глаза в присланных репликах, — то, что большинство из них «эмные», написаны как взгляд изнутри, без попытки антропологической рефлексии. Собственно, и вопросы редколлегии были того же типа (кроме, может быть, последнего). Все помнят апокриф про молодую студентку-этнографа, радостно рассказывавшую, как ей повезло в поле: удалось присутствовать аж на трех похоронах! Однако мало кто воспринял пандемию как счастливый случай, выпавший на долю социальных исследователей.

Александра Михайловна Пиир

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
alexandra.piir@gmail.com

Николай Борисович Вахтин

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
nvakhtin@gmail.com

В заглавие заключения вынесен *мем*, родившийся в эпоху пандемии; пожалуй, эта интонация звучит во всех репликах. Что радует — почти все авторы относятся к ситуации с юмором. О преподавании: «Встал на час позже, повязал галстук поверх пижамы — и вперед, *сеять разумное, доброе, вечное*. Студентам стало еще проще — *подбирать семена знаний* теперь можно не вылезая из кровати» (Андрей Адельфинский). О научной работе: многие вспоминают о психологической трудности для членов семьи находиться постоянно в одном пространстве, когда весной 2020 г. «оказались запертыми супруг и постоянно требующие движения и внимания дети» (Юлия Бучатская). При этом все виды деятельности: онлайн-преподавание, полевая работа, забота о близких и работа по дому — происходят не только в одном месте, но и в одно и то же время (Анна Темкина, Дарья Литвина). Но пишут все-таки с некоторой (само)иронией, и это, наверно, хорошо.

Произошло нарушение сложившегося ритма жизни и взаимодействия с семьей и коллегами, разные виды деятельности смешались и соединились. Рабочие отношения вошли в дом, домашние — стали видны коллегам: границы приватного стали проницаемы для публичного, и наоборот. Преподаватели вузов могут наблюдать домашний быт студентов, студенты — видеть, что стоит на полке у преподавателя. Многие авторы пишут о том, как трудно работать дома в присутствии маленьких детей (Юлия Бучатская, Виктория Донован). Да и вообще семья как прототипическая приватность и работа как прототипическая публичность плохо совмещаются в одном пространстве и времени. Мы все испытываем неловкость, когда вынуждены выступать на конференции, участвовать в заседании или читать лекцию, сидя дома, на кухне, в привычном семейном окружении, со всеми детьми, интерьерными и домашними животными, которые постоянно «лезут в кадр».

И ответственности как-то меньше, когда деловые встречи или научные семинары проходят дома. Когда мы читаем лекцию или делаем доклад из дома, мы находимся в другом, не рабочем пространстве — там, где мы привыкли *готовиться* к выступлению. Психологически лекция или доклад становится чем-то вроде репетиции, черновика выступления. Бывает, что мы просто забываем о семинаре, выступлении, совещании — об этом пишет и Юлия Бучатская.

Есть и вполне оптимистические описания: «Пандемия парадоксальным образом открыла новые возможности в моих исследованиях» (Абигайль Карас и многие другие). Пандемия позволила гораздо шире участвовать в семинарах и конференциях, научила, что можно никуда не ездить и все же присутствовать на научном мероприятии в другом городе или в другой стране.

Некоторые авторы вспоминают аналогии из своего прошлого, ищут позитивное в воспоминаниях молодости: «Локдаун оживил яркие воспоминания о жизни в советской провинции на пике эпохи застоя: длинные очереди, дефицит продуктов, отсутствие развлечений — но одновременно и чувство близких и важных дружеских отношений» (Катриона Келли). И совершенно восхитила нас мысль, что пандемия помогла нейтрализовать отрицательное воздействие на научную работу «бесконечных чаепитий в отделе» (Юлия Бучатская)¹.

Все в общем сходятся на мысли, что теперь, после пандемии, нам придется жить с гибридной системой: для одних целей удобнее формат онлайн, для других — очный (Катриона Келли).

Но иронизируют не все: некоторых пандемия заставила вспомнить о вечном (Евгений Вдовченко), другим инфекционные заболевания дали возможность посмотреть на социальные проблемы, на которые раньше не обращали внимания (Ли Джи Ён).

Наконец, следует сказать вот что.

Мы привыкли считать, что во всех наших бедах и неприятностях кто-то виноват. В бедах нашей страны виноваты то иноземные захватчики, то просто иностранцы, то буржуи, то коммунисты, то евреи, то неумные власти, то колонизаторы, то необразованное население... В нашей бедности виноват, понятное дело, богатый сосед, или олигархи, которые все разворовали, или неблагоприятные погодные условия... У кого-то виноват Уолл-стрит, у кого-то НАТО, у кого-то рука Москвы, у кого-то еще кто-то.

Конечно, и при объяснении пандемии не было недостатка в конспирологических версиях: во всем виноваты... — далее подставить нужное: ЦРУ, китайцы или еще кто-то. Но если без паранойи, то пандемия показала нам одну очень важную вещь: *происходящее с нами необязательно имеет источником добрую или злую волю других людей*. Оказалось, что в земной природе, в том, что Бруно Латур назвал «Гея» [Латур 2019]², существуют силы, неподвластные человеку. Оказывается, что бывают бедствия, в которых не виноват никто, кроме природы. «Все мы чувствуем, что земля уходит у нас из-под ног, и это углубляет наше смятение», — пишет Латур в этой книге [Латур 2019: 4].

¹ О эти отдельные чаепития! Этот бич русской науки! Четверть века назад, создавая Европейский университет, мы пытались разрушить эту традицию: сделали общее пространство вроде кафе, куда каждый мог принести свои бутерброды — чтобы всем вместе, не по факультетам, и чтобы в официальный обеденный перерыв, а не постоянно. Мы наивно попытались запретить чайники по факультетам... Ничего из этого, конечно, не вышло, традиция слишком глубоко укоренена. Чайники прятали по шкафам, общее пространство пустовало... В итоге мы сдались, а чаепития остались.

² См. дискуссию Бруно Латура и Олега Хархордина: <<https://www.colta.ru/articles/literature/21711-nikto-teper-ne-verit-chto-my-sobiraem-sya-modernizirovat-planetu>>.

Эти слова довольно точно передают наши ощущения во время пандемии.

Ну а дальше возможны два пути. Первый — оптимистический, второй — привычный, т.е. тот, по которому мы, скорее всего, пойдем. Оптимистический — энергию, которую мы тратим на поиски виноватых и на противостояние этим «враждебным группам», мы отныне будем тратить на попытки понять природу и противостоять ее сюрпризам. Эта идея, как кажется, вполне пригодна для того, чтобы стать базой для объединения человечества. Мы имеем шансы умерить гордыню, перестать считать себя венцом творения, осознать свою слабость и уязвимость: оказывается, не все беды от «злых и плохих людей» и не всегда выход в том, чтобы просто «убрать злых и плохих людей» (а эти плохие у каждого свои, и методы «убирания» тоже свои, обычно ни к чему хорошему не приводящие). Оказывается, не все проблемы цивилизации можно (и нужно) решать с помощью силы и интриг. Оказывается, есть внешний, опасный для всех одинаково и мало нам пока что известный мир, против которого мы должны объединиться, чтобы выжить.

Ну а второй, привычный путь, по которому мы, скорее всего, пойдем — никакого объединения усилий не получится, мы по-прежнему будем обвинять друг друга во всех грехах, в том числе в распространении вирусов. А жаль: это ведь пока что просто вирус. Нам же предстоит еще и с климатическими изменениями разбираться. Вот где пригодился бы опыт объединения в борьбе с вирусами...

В завершение: пандемия, конечно, ужас, но пандемия некоторым образом шанс для нас, людей, и в каком-то смысле удача для антропологов: мы можем не только осваиваться в новых условиях жизни, но и вполне профессионально наблюдать себя и своих близких.

Библиография

Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 202 с.

Александра Пиир, Николай Вахтин

Forum 52: The Humanities and Social Sciences and COVID-19: Pros and Cons

Andrey Adelfinskiy

The Bauman Moscow State Technical University
5 2-nd Baumanskaya Str., Moscow, Russia
adelfi@mail.ru

Julia Butschatskaja

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
julia.butschatskaja@yahoo.de

Victoria Donovan

University of St Andrews
United Colleges, St Andrews, UK
vsd2@st-andrews.ac.uk

Abigail Karas

University of Oxford
41 & 47 Wellington Sq., Oxford, UK
abigail.karas@univ.ox.ac.uk

Catriona Kelly

Trinity College
Cambridge, UK
ck616@cam.ac.uk

Anna Lazareva

Independent researcher
Moscow, Russia
anna-kadabra@mail.ru

Lee Ji Eun

Organization World Heritage Cities Asia-Pacific Secretariat
614 Gyeongamro Str., Gyeongju, Gyeongbuk, Korea
jjeunjohanna@naver.com

Darya Litvina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
litvina.darya@gmail.com

Alexandra Piir

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
alexandra.piir@gmail.com

Anna Temkina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
temkina@eu.spb.ru

Nikolai Vakhtin

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
nvakhtin@gmail.com

Evgeniy Vdovchenkov

Southern Federal University
105/42 B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russia
evvdovchenkov@sfedu.ru

Maria Vyatchina

Tartu University
18 Iikooli Str., Tartu, Estonia
maria.vyatchina@gmail.com

For the past two years, research groups and universities have been exposed to the novel and unpredictable conditions of life during the viral pandemic, and to the constantly shifting restrictions on normal academic activities that have accompanied it. In particular, personal contacts—between teachers and students and between colleagues—have to a large extent been difficult or impossible. For some, the social restrictions have been a disaster, while others have found them to be an insignificant nuisance, or even welcome. Participants of the “Forum” discuss, how the pandemic has affected their own (work) situation and the situation at their home institution, whether the enforced (self-)isolation has created any new types of working practices or social relations that are desirable to persist in the future, and whether the humanities and social sciences have evolved any new research questions and topics that directly derive from the pandemic, the social restrictions associated with it, and efforts to fight its effects.

Keywords: Humanities, Social Sciences, pandemic, COVID-19.

References

- Adams S., *The Dilbert Principle: A Cubicle's-Eye View of Bosses, Meetings, Management Fads and Other Workplace Afflictions*. New York: Harper-Collins, 1996, 336 pp.
- Adelfinsky A. S., 'Creating a Hero... Laughing at Clowns? Representations of Sports and Fitness in Soviet Fiction Films after the Olympic U-Turn in Politics', *Russian Sociological Review*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 108–136. doi: 10.17323/1728-192x-2020-4-108-136.
- Adelfinsky A. S., *Nazlo rekordam. Opyt issledovaniya massovogo sporta* [Despite the Records. An Inquiry into Mass Participation Sports]. Moscow: Delo RANEPА, 2018, 384 pp. (In Russian).
- Ahmed S., *Living a Feminist Life*. Durham, NC: Duke University Press, 2017, 304 pp.
- Akbari A., Gabdulhakov R., 'Platform Surveillance and Resistance in Iran and Russia: The Case of Telegram', *Surveillance and Society*, 2019, vol. 17, no. 1/2, pp. 223–231. doi: 10.24908/ss.v17i1/2.12928.
- Augé M., *Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Paris: Le Seuil, 1992, 155 pp.
- Bogachenko T. V., Vdovchenkov E. V., Gromov D. V., 'Etnograficheskiy proekt IIMO YuFU po izucheniyu reaktivnoy internet-soobshchestvu na pandemiyu koronavirusa' [Ethnographic Project of the IIMO SFU for the Study of the Reaction of Internet Communities to the Coronavirus Pandemic], Vdovchenkov E. V. (ed.), *XV Vserossiyskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov "Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy"* [15th All-Russian Archaeological Conference of Students and Postgraduates "Problems of Archeology of Eastern Europe"]: Conference materials; Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2020, pp. 235–239. (In Russian).
- Coleman G., 'Ethnographic Approaches to Digital Media', *Annual Review of Anthropology*, 2010, no. 39, pp. 487–505. doi: 10.1146/annurev.anthro.012809.104945.
- Derrida J., *Spectres of Marx: The State of the Debt, the Work of Mourning, and the New International*, transl. by P. Kamuf. New York: Routledge, 1994, 198 pp.
- Domcheva E., Chichkin A., 'Burya v stakane solenoy vody' [Storm in a Glass of Salt Water], *Rossiyskaya gazeta*, 2006, Feb. 17. <<https://rg.ru/2006/02/17/sol.html>>. (In Russian).
- Donovan V., Tsymbalyuk D., 'Strange and Twisted Love: Researching Art Practices in Donbas Through Collaborative Frames', *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Special number for Donbass Imaginaries: Heritage, Culture, Communities*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 109–135. doi: 10.1353/reg.2021.0007.
- Donovan V., Tsymbalyuk D., *Mezhi kolaboratsii: mistetsvo, etyka ta Donbas / Limits of Collaboration: Art, Ethics, and Donbas / With Dmytro Chepurnyi, Viktor "Corwic" Zasyppkin, Oleksandr Kuchynskiy and Kateryna Siryk*. Kyiv: ArtKnyga, 2022 (forthcoming).
- Dufraisse S., *Les héros du sport: une histoire des champions soviétiques (années 1930–années 1980)*. Ceyzérieu: Champ Vallon, 2019, 328 pp.

- Fielding N., Lee R., Blank G. (eds.), *The Sage Handbook of Online Research Methods*. London: Sage Publications, 2017, 684 pp.
- Fomintseva P., ‘Tysyachi patsientov s polozhitelnym testom na COVID-19 ne poluchayut lecheniya. Pochemu eto proiskhodit?’ [Thousands of COVID-19 Positive Patients Don’t Get Treatment. Why Does It Happen?], *Takie dela*, 2021, May 28. <<https://takiedela.ru/2021/05/tysyachi-s-kovid-ne-poluchayut-lecheniya/>>. (In Russian).
- Gay y Blasco P., Hernández L., *Writing Friendship: A Reciprocal Ethnography*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, 189 pp.
- Goffman E., *Asylums: Essays on the Condition of the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. London: Penguin, 1963, 402 pp.
- Hine C., *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. New York: Berg, 2005, XIII+242 pp.
- hooks b., *Black Looks: Race and Representation*. Boston, MA: South End Press, 1992, 200 pp.
- Holavin A. O., ‘Sotsialnoe bezdeystvie na rannikh etapakh pandemii COVID-19’ [Social Inaction at Early Stages of the COVID-19 Pandemics], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 11, pp. 139–148. doi: 10.31857/S013216250010722-7. (In Russian).
- Hunleth J., Asante C., Burack S., Chileshe M., ‘Care at the Gate’, *Anthropology News*, 2021, June 23. <<https://www.anthropology-news.org/articles/care-at-the-gate/>>.
- Ispova O., ‘Intensivnoe materinstvo v Rossii’ [Intensive Motherhood in Russia], *Postnauka*, 2015, Jan. 20. <<https://postnauka.ru/video/38481>>. (In Russian).
- Johnson R., ‘What Is Cultural Studies Anyway?’, Storey J. (ed.), *What Is Cultural Studies? A Reader*. London: Arnold, 1996, pp. 75–114.
- Kalinina E., ‘Affordances of Digital Archives: The Case of the Prozhito Archive of Personal Diaries’, Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M., *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, pp. 370–387.
- Kelly C., ‘Material Mined: Rereading Serguei Oushakine, “Against the Cult of Things”: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination,’ *The Russian Review* 73, 2 (April 2014): 198–236’, *The Russian Review at 80*, 2021. <<https://russianreview.ku.edu/material-mined>>.
- Kishkina V. A., ‘Motiv poleta vo sne’ [The Motif of Flying in a Dream], Lazareva A. A. (comp., ed.), *Antropologiya snovideniy* [Anthropology of Dreams]: A collection of articles. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2021, pp. 75–80. (In Russian).
- Kishkina V. A., Meshcheryakova O. V., Krasnova E. A., ‘Materialy dlya syuzhetno-motivnogo ukazatelya folklornykh rasskazov o snakh’ [Materials for the Motif Index of Folklore Stories about Dreams], *Zhivaya starina*, 2020, no. 4, pp. 5–6. (In Russian).
- Koobak R., Tlostanova M., Thapar-Björkertt S., *Postcolonial and Postsocialist Dialogues*. New York: Routledge, 2021, 282 pp.
- Korpela M., Hirvi L., Tawah S., ‘Not Alone: Doing Fieldwork in the Company of Family Members’, *Suomen Antropologi*, 2016, vol. 41, no. 3, pp. 3–20.

- Kovalevskaya S. S., 'Obryad kreshcheniya umershikh u chlenov Tserkvi Iisusa Khrista Svyatykh poslednikh dney i svyazannyye s nim snovideniya' [Baptism for the Dead among Members of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints and Related Dreams], *Zhivaya starina*, 2020, no. 4, pp. 10–11. (In Russian).
- Krasnova E. A., "'Budto kusty maliny ee golosom govoryat": obrazy umershikh v folklornykh rasskazakh o snakh' ["As if Raspberry Bushes Speak in Her Voice": Images of the Dead in Folklore Stories about Dreams], *Zhivaya starina*, 2020, no. 4, pp. 9–10. (In Russian).
- Kudaibergenova D. T., 'When Your Field Is Also Your Home: Introducing Feminist Subjectivities in Central Asia', *Open Democracy*, 2019, Oct. 2. <<https://www.opendemocracy.net/en/odr/when-your-field-also-your-home-introducing-feminist-subjectivities-central-asia/>>.
- Kulinicheva E. A., *Krossovki. Kulturnaya biografiya sportivnoy obuvi* [Sneakers. Cultural Biography of Sports Shoes]. Moscow: NLO, 2018, 376 pp. (In Russian).
- Latour B., *Où atterrir ? Comment s'orienter en politique*. Paris: La Découverte, 2017, 160 pp.
- Lazareva A. A., *Tolkovanie snovideniy v narodnoy kulture* [Dream Interpretation in Folk Culture]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2020, 257 pp. (In Russian).
- Lazareva A. A., Meshcheryakova O. V., Krasnova E. A., Kishkina V. A., Kovalevskaya S. S., 'Rasskazy o prorocheskikh snakh: materialy onlayn-oprosa' [Narratives of Prophetic Dreams: Online Survey Materials], *Antropologiya snovideniy* [Anthropology of Dreams]: A collection of articles. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2021, pp. 44–67. (In Russian).
- Likhachev D., 'Nebesnaya liniya goroda na Neve' [Skyline of the City on the Neva River], *Nashe nasledie*, 1989, no. 8, pp. 8–13. (In Russian).
- Litvina D., Temkina A., 'The Academicians on Quarantine: Reflexivity and Fragility of the Privileged Group at the Start of Pandemic', *The Russian Sociological Review*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 43–65. doi: 10.17323/1728-192x-2021-4-43-65.
- Lorde A., *Your Silence Will Not Protect You*. London: Silver Press, 2017, 220 pp.
- Mann C., Stewart F., *Internet Communication and Qualitative Research: A Handbook for Researching Online*. London: Sage Publications, 2000, 272 pp.
- Markham A., 'How Can Qualitative Researchers Produce Work That Is Meaningful across Time, Space, and Culture?', Markham A., Baym N. (eds.), *Internet Inquiry: Conversations about Methods*. London: Sage Publications, 2009, pp. 131–172.
- Meshcheryakova O. V., "'Etot muzhchina stal prevrashchatsya v cherta": obrazy snovideniy, predveshchayushchie opasnost' ["This Man Began Turning into the Devil": Images of Dreams Predicting Danger], *Zhivaya starina*, 2020, no. 4, pp. 6–8. (In Russian).
- O'Mahony M., *Sport in the USSR: Physical Culture — Visual Culture*. London: Reaktion books, 2006, 236 pp.
- Polivanova K. N., 'Sovremennoe roditelstvo kak predmet issledovaniya' [Parenting and Parenthood as Research Domains], *Psikhologicheskaya*

- nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]. 2015, vol. 7, no. 3, pp. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301. (In Russian).
- Postill J., ‘Remote Ethnography: Studying Culture from Afar’, Hjorth L., Horst H., Galloway A. et al. (eds.), *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge, 2017, pp. 61–69.
- Raychaudhuri A., ‘“Tell ‘em about the Men”: The Fractured Politics of Heritage in Postindustrial Museums’. Talk at the Cultural Identity and Memory Studies Institute. University of St Andrews, 2021, April 28.
- Romanova E., ‘Копаем до первого зомби’ [Digging to the First Zombie], *Novaya gazeta*, 2021, Sept. 3, no. 98. <<https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/01/kopaem-do-pervogo-zombi>>. (In Russian).
- Rotkirkh A., Temkina A., ‘Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii’ [Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia], Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.), *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiy podkhod* [Russian Gender Order: A Sociological Approach]. St Petersburg: EUSP Press, 2007, pp. 169–200. (In Russian).
- Sayfutdinova L., Storm K., ‘Mom, Interrupted: Precarity, Fieldwork and the Politics of Inclusion’. Talk at the CRSCEES series “Back to Bodies: Corpora and Embodied Practice”. University of St Andrews, 2022, April 25.
- Tartakovskaya I. N., ‘Doverie pered litsom pandemii: v poiskakh tochki opory’ [Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground], *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 68–89. doi: 10.19181/socjour.2021.27.2.8087. (In Russian).
- Tlostanova M., *What Does It Mean to Be Post-Soviet: Decolonial Art from the Ruins of the Soviet Empire*. Durham: Duke University Press, 2018, 160 pp.
- Zeitlyn D., *Words and Processes in Mambila Kinship. The Theoretical Importance of the Complexity of Everyday Life*. Oxford: Lexington Books, 2005, 256 pp.